

Выгодный риск

Автор:

Антон Чиж

Выгодный риск

Антон Чиж

Родион ВанзаровАгата и сыск #3Исторические детективы Антона Чижа

В центре ретродетектива Антона Чижа вновь гениальная воровка Агата и чиновник московского сыска Алексей Пушкин. На этот раз на долю Агаты выпадет множество серьезных испытаний: верная слову, она по зову подруги приезжает из Ниццы, куда уехала, казалось бы, навсегда в надежде забыть холодного Пушкина, в Москву на Масленицу, чтобы помочь дочери владельца страховой фирмы Валерии Алабьевой отомстить за гибель матери. Но оказывается, что образ молоденькой неопытной девушки обманчив и за ним скрывается расчетливая и умная интриганка – которая, впрочем, и сама в результате поплатится за то, что слишком много тайн сумела раскрыть и лихо распоряжалась судьбами людей.

Антон Чиж

Выгодный риск

Иллюстрация на переплете Филиппа Барбышева

© Чиж А., текст, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

При страховании жизни вычисление размера страховой премии опирается на закон постепенного вымирания людей и на основаниях роста капитала на сложных процентах.

Инструкция для врачей по страхованию жизни. Варшава, 1893

29 мая 1893 года, суббота,

летний сезон на Лазурном берегу

• 1 •

– Чисто французская мелочная подлость... Нет, хуже: безмерная глупость, – сказала мадемуазель, распахивая утренний выпуск *La gazette des etrangers*[1 - «Газета иностранцев», одна из городских газет Ниццы.] так резко, что хрустящая бумага, пахнувшая типографской краской, издала хлопок. – Прочли эту пакость, баронесса?

Дама, к которой относился порыв эмоций, обычно газет не читала. Ни утренних, ни вечерних, ни французских, ни даже английских. Ничего полезного для нее газеты не могли напечатать. Но в этой колонке городских происшествий, на которую указывала рассерженная мадемуазель, бросился в глаза жирный заголовок, сообщавший о внезапной кончине месье *Saratoffsky*, состоятельного русского туриста. Новость была крайне неожиданна и, к сожалению, меняла ее планы окончательно.

– Странно, – проговорила она, думая о неприятности, которая свалилась так внезапно.

– О нет, не странно... Это преступное бездействие!

– Вы слишком горячитесь, милая Валерия, на нас уже обращают внимание, – мадам коснулась ее руки, но девушку это не успокоило.

– Мне безразлично, что подумают господа и дамы, оплывшие от лени, – проговорила она, держа газету раскрытой. – Тем более никто из них не понимает по-русски...

На всякий случай баронесса оглянулась. В час после завтрака в ресторане Hôtel des Anglais[2 - «Отель англичан»], одного из лучших в Ницце, а потому выбираемого не только богатыми англичанами, но куда чаще приезжими русскими, посетителей было немного.

– Тут проживают наши соотечественники...

– Прекрасно, пусть узнают правду о хваленной французской полиции. Меньше будет иллюзий. А то воображают себе гениальных Лекоков, защитников закона и справедливости, а на деле – натуральные... – Валерия вставила словцо, которого московский извозчик постесняется.

Сочетание юного личика и крепкого выражения казалось чрезвычайно милым. Однако баронесса нахмурила точеные бровки.

– Милая, с нами ребенок, такие выражения недопустимы...

Ребенок десяти лет, о котором тревожилась мадам, восседал на другом конце столика, держа на коленях банку-морилку, в которой умирала бабочка. За мучениями насекомого мальчик следил сосредоточенно, как будущий ученый. К окружающему миру был безразличен.

– После трагедии Матвей перестал реагировать на звуки, – проговорила Валерия, не отрываясь от газеты. – Мой бедный брат немой, так его сделали глухим...

– Простите, я не знала...

– Вы ни в чем не виноваты... Но они... Как они могли... – Валерия ткнула пальцем в небольшую заметку внизу газетной полосы. – Так читали это?

– Еще не успела...

– Тогда послушайте... – Мадемуазель сложила газету вдвое и еще согнула пополам, чтоб новость в черной рамке оказался перед ней. – «Несчастье в семье русского туриста. Как нам сообщают, в семье месье Alabueff, гостя из Москвы, произошло печальное происшествие. Мадам Alabueff отправилась купаться на пляж и была найдена мертвой у кромки прибоя. Расследование, проведенное нашим уважаемым комиссаром Лелюшем, показало, что мадам не умела плавать, не справилась с волнами и утонула. Это событие еще раз указывает городским властям на необходимость завести на пляжах специальных сторожей для спасения утопающих. От лица редакции выражаем соболезнование месье Alabieff. Надеемся, что прискорбное событие не испортит летний сезон нашего курорта».

Валерия скомкала газету, как снежок, и швырнула под стол.

– Их летний сезон беспокоит... Фамилию и ту переврали, – проговорила она, сложив руки, как ученица. – Наш уважаемый комиссар Лелюш провел расследование! Наблюдала я это расследование: глянул на тело и отвернулся. Вот и все расследование! Мерзкий французский навозный флик...[З - Оскорбительное прозвище французских полицейских: муха.]

Горе мадемуазель было глубоко. Надо иметь ледяное сердце, чтобы не сочувствовать ему. Что-что, а сердце у баронессы было отзывчивым. Особенно к юным барышням, которым жизнь внезапно показала козью морду.

– Трагическая случайность... Море, волны, пустой пляж...

– Не было никакой случайности, – сказала Валерия, неподвижно глядя в стол. – Мама умела плавать. Не слишком хорошо, но умела. Тупейший комиссар Лелюш даже не спросил об этом. Она не могла утонуть. Шторма не было, обычное волнение.

– Расскажите, расскажите, милая, что случилось в тот день. – Баронесса уже трижды слышала эту историю, но иногда помощь заключается в том, чтоб выслушать чужое горе опять и опять.

– Было чудесное утро... Мы сели в саду играть в «Гусика». Играли втроем: я, Матвей и мама... У нее было прекрасное настроение, она шутила, смеялась... Выиграла у нас, хотя на одном ходе попала на поле «смерть» и вынуждена была начинать игру сначала... Но в последующих ходах обогнала меня и Матвея... Она сказала, что хочет искупаться, освежиться... Я просила взять нас с собой, она не разрешила. Уверяла, что вернется очень быстро... Прошел час, ее все не было... А потом ее принесли какие-то чужие люди на простыне – мокрую, волосы спутаны на лице, глаза неподвижные... Принесли нашу маму... Нашу любимую маменьку...

Валерия зажмурилась так, что лицо собралось в гримасу. Сейчас нельзя было ни утешать, ни жалеть. Девушка должна сама пережить боль.

Со дня гибели матери Валерия сильно изменилась. От яркой, веселой, блестящей барышни, на которую заглядывались мужчины на улочках Ниццы, не осталось ничего. Она надела глухое черное платье, собрала волосы в тугий пучок на затылке, перестала пользоваться тушью, румянами, помадой. Лицо обрело серый, нездоровый оттенок. Выплаканные глаза покраснели прожилками. Валерия как будто повзрослела лет на десять.

– Комиссара Лелюша не заинтересовало главное, – продолжила она.

– Что же он упустил?

– Маменька пошла на пляж не для того, чтобы купаться...

Баронесса взяла ее тонкую холодную ручку в свои ладони.

– А для чего же?

– Я уверена: у нее была встреча. Ей должны были сообщить нечто исключительно важное. Быть может, секретное...

– Предполагаете, о чем могла идти речь?

– Она не желала, чтобы об этом знали даже мы. Хотела сохранить в тайне. Но ее убили... Там, на пляже...

– Милая, это слишком серьезное... предположение.

– Никаких предположений, – Валерия улыбнулась. – Я знаю наверняка...

– Неужели? Тогда почему не сообщили полиции?..

– Наш дорогой комиссар Лелюш должен был искать ответ на простой вопрос: кому выгодно?

– Это абсурд... Кому может быть выгодна смерть вашей матери...

– Посмотрите туда.

Баронесса повернула голову, куда указали кивком.

За дальним столиком восседал крупный господин с суровым, если не сказать, мрачным лицом. Дама рядом с ним казалась миниатюрной. К ним подошел худощавый молодой человек, одетый модно и со вкусом, поклонился, ему предложили сесть рядом. Лично господину Алабьеву баронесса не была представлена. Однако знала, кто он и чем занимается в России. Его семейство в Ницце снимало виллу на берегу.

– Простите, милая, я вас не понимаю.

Валерия так резко сжала руку, что баронесса вздрогнула.

– Убийца сидит у всех на виду и радуется жизни.

– Вы обвиняете своего отца?

– Нет, не обвиняю. Он сам себя обвиняет.

– Да что же такое вы говорите?

– Я вам не рассказывала, но мы с Матвеем дети от второго брака... От первого – старший брат Кирилл, вон он, сидит около отца. Знаете, как погибла его мать,

первая жена нашего отца?

Предположение баронесса удержала при себе.

- Она утонула в пруду, - продолжила Валерия. - В ясный солнечный день... В дачном пруду... Урядник оформил несчастный случай. А что же наш добрый отец? Он получил страховку по факту смерти жены. Потом женился на нашей маме, она принесла в приданое капитал, на который он развернул дело. И вот у него есть все... Что любопытно: жизнь нашей мамы тоже была застрахована. Угадайте, кто получит страховую премию после ее смерти? Почему об этом не спросил комиссар Лелюш?

Ответ был столь очевиден, что не следовало произносить вслух.

- Ваш отец - богатый человек, - сказала баронесса. - Неужели ради страховки он пойдет на... такое?

- Деньги, - Валерия недобро улыбнулась. - Отец любит деньги. Копит их, бережет. Но главная причина рядом с ним. Симпатичная у нас будет мачеха, не правда ли? Молоденькая. Свежая... Наверное, старше меня года на два... Милая Лидия... Утешает папеньку в горе... Заметили, в каком горе он пребывает?

Баронесса смолчала: ни траура, ни скорби у господина Алабьева заметно не было. Во всяком случае, издалека.

- Как там Гамлет говорит о своей матери: «И сапоги еще не износив», кажется... А папенька похоронил старую жену и спешит жениться на молоденькой... Третьей... Не удивлюсь, если будет четвертая... Прудов и рек, где можно случайно утонуть, предостаточно.

Она говорила спокойно. Слишком спокойно, чтобы этому верить. При этом не разжала пальцы. Баронесса еле терпела боль.

- Милая, вам надо успокоиться. - Она с усилием освободила руку. - И смириться. Ничего не поделать. Постарайтесь простить, если есть за что... Найдите себе достойную партию, выходите замуж, живите своей семьей. И забудьте... Забудьте все...

– Забыть... Смириться... Успокоиться... Я успокоюсь, только когда убийца понесет наказание. – Валерия повернулась и молитвенно сложила ладони. – Дорогая баронесса фон Шталь! У меня никого нет... Мне не от кого ждать помощи... Матвей мал и болен, Кирилл тюфяк и рохля... Помогите мне... Помогите... Вы – моя единственная надежда!

Можно было ожидать чего угодно, но только не подобной просьбы.

...Они познакомились недели три назад почти случайно на набережной и сразу сдружились. Баронесса увидела в яркой барышне себя, только лет на шесть младше. Когда училась нехитрой премудрости управлять мужчинами. Валерия понравилась не только красотой, но редким для юной девушки умом и рассудительностью. Они стали встречаться и весело проводить время. Валерия просила советов опытной женщины, баронесса делилась, порой излишне откровенно и щедро... Для совместных прогулок по Promenad des Anglais[4 - Английская набережная.] с Валерией она выбирала простое платье и скромную прическу. Чтобы красота молодости немного скрывала ее от мужского внимания. Незаметно Валерия стала ее близкой подругой. Баронесса пару раз одалживала ей свой паспорт, чтобы юная подруга могла съездить в казино Монте-Карло, куда не пускали несовершеннолетних барышень. Заходить в городское казино Ниццы Валерия боялась, чтоб не встретить брата или отца, который не одобрил бы поведение дочери.

– Чем я могу вам помочь? – спросила баронесса, предугадывая ответ. – Неужели вы задумали...

Валерия мотнула головой:

– Не собираюсь убивать отца. Пусть его судит высший суд. Но проучить... Проучить так, чтобы запомнили... Вы мне поможете?

– Дорогая, я готова сделать для вас все, что в моих силах, но обстоятельства складываются так, что сегодня я должна уехать...

Новый удар Валерия приняла достойно. Не стала ни умолять, ни упрекать.

– Хорошо, тогда после... Время есть. У меня оно в достатке... Надо хорошо подготовиться... Когда мы вернемся в Москву... Осенью или зимой. Я все равно

не успокоюсь, пока не доведу дело до конца. Вы не бросите меня?

Нельзя было оставаться равнодушной к такой мольбе. Баронесса обещала, что приедет в Москву по первому зову, но не раньше весны следующего года. И дала адрес, на который можно прислать для нее телеграмму.

Валерия порывисто обняла фон Шталь и расцеловала в обе щеки. Что было вызывающе неприлично для общественного места.

Отодвинув стул и подав знак Матвею, чтобы оставался на месте, Валерия неторопливо подошла к столику, за которым сидел господин Алабьев с сыном и молодой дамой. Взяв чашку мадемуазель Лидии, она плеснула в лицо отцу. Черная жижа потекла по белоснежной сорочке.

Баронесса наблюдала, как сжался Кирилл, как изумление застыло на лице хорошенькой спутницы Алабьева, как замер официант с подносом, как Валерия саданула чашкой об пол и повернула назад, будто ничего не случилось.

В спину ей летел рев:

– Вон с глаз моих, мерзкая дрянь!

Посетители ресторана с интересом наблюдали сцену, которую устроили русские туристы. Наверняка заметка о происшествии попадет в завтрашнюю газету. Баронесса еще подумала, что слишком легкомысленно дала слово. От Валерии можно ждать чего угодно: ум с красотой – смесь взрывоопасная. Особенно у юной барышни.

23 февраля 1894 года,

среда, масленичная неделя

Вдова Ферапонтова была женщиной нрава столь редкого, что палец в рот не клади. Чего не рисковал делать ни муж ее, ныне покойный чиновник Ферапонтов, ни городской Ревунов, которому судьба определила пост напротив дома вдовы. Никто не рисковал совать палец в рот беззащитной вдове. Без пальца останешься, и руку по локоть откусит. Такой уж характер пронзительный. Все, кто знал, не связывались с Ферапонтовой. А кто не знал, получали урок. В обиду вдова себя никому не давала. И в этот раз не собиралась спускаться злодеям и душегубцам.

Обругав извозчика грабителем и удержав двадцать копеек из обещанного полтинника за то, что тряс по дороге, беззащитная вдова вошла в подъезд трехэтажного серого здания в Малом Гнездниковском переулке.

Здание, с виду неказистое, отмечалось полезным содержанием. На первом этаже располагался адресный стол, где о каждом жителе Москвы можно было навести справки. На втором – оплот спокойствия и порядка в городе, гроза всяческого беспорядка и беззакония – обер-полицмейстер полковник Власовский со своим кабинетом и канцелярией. А на последнем этаже, можно сказать, под крышей, ютилась сыскная полиция. Для которой было отдано помещение, состоявшее из приемной части на пять столов со стульями и табуретками, кабинета начальника сыска, не слишком просторного, но и не слишком тесного, а в самый раз, и закутка, огороженного стальными прутьями, для задержанных лиц. Именно на третий этаж вдова и направилась. Войти вот так запросто к обер-полицмейстеру со своей обидой даже она не решилась. Хотя в приемные часы обер-полицмейстера любой житель мог позволить себе подобное развлечение.

Войдя в сыскную, как по-простому называла Ферапонтова Сыскную часть Управления московской городской полиции, вдова огляделась и осталась крайне недовольна увиденным. Судя по всему, и в сыскной полиции старательно праздновали Масленицу.

Тут надо заметить, что раз в год Первопрестольная погружалась в безграничное веселье, о каком в столичном Петербурге не могли и мечтать. Последнюю неделю перед Великим постом, называемую Сырной или Мясопустной, весь народ московский, независимо от чинов, званий, сословий, службы, богатства или вероисповедания, праздновал Масленицу (по-старинному Масля?ницу). Праздновал так широко, что последствия были тяжкие. И ничего с этим поделать было нельзя. Ни архиерейские увещевания, ни распоряжения обер-

полицмейстера, ни даже указы генерал-губернатора не действовали. Горожане объедались блинами, упивались и веселились, кто как мог. Перед Ферапонтовой предстали сейчас безобидные результаты празднования.

Один из чиновников сыска, самый юный, спал на сомкнутых стульях (заметим, что это был Актаев, который вечером не рассчитал своих сил). Другой, по виду старший, жадно пил из стакана, потирая живот и подливая из опустевшего графина (разумеется, Лелюхин, Василий Яковлевич, кто же еще). И даже самый приличный из них, не молодой и не старый, оперся головой о руку, тяжело дышал и обмахивался платочком. Кирьяков Леонид Андреевич вчера вечером был приглашен знакомым купцом на угощение и так объелся дармовыми блинами с икрой паюсной, икрой свежей зернистой, севрюгой, лососиной и прочими закусками, что не спал ночь. Но дурнота не оставляла.

Взявшись за стул, Ферапонтова села на той стороне стола, что предназначалась для просителей.

– Вам чего? – спросил Кирьяков, не поднимая страдающую голову.

– Жаловаться пришла, батюшка, – сказала вдова тоном, не оставлявшим надежды. – Бедная и всеми гонимая вдова чиновника Ферапонтова, мещанка.

На гонимую, а тем более бедную, вдова слабо походила.

– Жалобы принимает участок полиции...

– Была в участке, пристав Носков, жулик известный, к вам отослал.

– К нам нельзя. Идите вы... – тут Кирьяков опомнился и сдержался, – ...идите в участок, все к ним... У нас всего лишь разбой, кражи, трупы, ну и тому подобное...

– Так потому что труп, к вам пристав направил...

Кирьяков на всякий случай приподнял голову: мертвецов с почтенной дамой вроде бы не было. Насколько позволял видеть туман перед глазами.

- Где труп? - только спросил он.

- Я - труп, - сообщила вдова.

Ну ясно: сумасшедшая, что с нее возьмешь. Такие порой заглядывают в сыск.

- Мадам, я очень рад, что вы труп, хотя выглядите чудесно. Идите домой, отдохните, попейте водички, микстурки, чайку, кваску, сбитню, молочка, настоечки, ликерчика, винца, глядишь, и отпустит...

Подобного издевательства Ферапонтова не стерпела и жахнула старческим кулачком по столу. Кирьякова немного подбросило, а спящий Актаев чуть не свалился со стульев.

- Ты со мной, батюшка, шутки не шути, я мужа двадцать лет назад схоронила... Говорю тебе: меня трупом назвали.

- Кто же посмел? - с дрожью спросил Кирьяков.

И тут Ферапонтова выложила обстоятельства возмутительного случая.

Надумала она оформить страховку, все-таки возраст уже такой, что того гляди помрешь. И отправилась в страховое общество. Пришла с документом, как полагается. А клерк посмотрел на нее и говорит: «Не можем с вами договор оформить, по бумагам вы уже умерли». Ферапонтова, конечно, возмутилась, как это ее раньше времени в покойники записали. Но не помогло, стоят на своем: умерла, и все тут. Она, конечно, пошла с жалобой к главному управляющему. Да только один ответ: по документам умерла, значит, второй раз с вами не можем страховку заключить. Идите, если есть охота, в другое страховое общество. Тут Ферапонтовой стало так обидно, что она пошла в свой полицейский участок жаловаться. Да пристав, капитан Носков, не пожелал разбираться. Отправил в сыск. Дескать, умерла так умерла...

Выслушав, Кирьяков уверился в одном: пожилая дама если и сумасшедшая, то очень хитрая. Так складно врет. И вроде трезвая как стеклышко.

- В каком страховом обществе вас записали в мертвецы? - спросил он.

– В «Стабильности», в каком же еще...

Как раз недавно Кирьяков заинтересовался страхованием собственной бесценной жизни: вносишь страховые платежи, а через пять лет получаешь приличную сумму с процентами. Если, конечно, доживешь. А помрешь – так выгодоприобретатель разбогатеет.

Кирьяков тщательно изучил рекламные предложения страховых обществ, каких в Москве было в избытке. Тут тебе на выбор: и гигант «Россия», и «Якорь», и «Урбенк», и «Эквитебль», и Северное страховое общество, и «Помощь», и «Отечество», и «Нью-Йорк», и даже «Саламандра». Хотя в «Огненной ящерице» страховали только от огня. Предложения были схожие, выбрать трудно. В итоге Кирьяков так и не решился: представил, как умрет, а денежки его достанутся кому придется, и желание отпало. Кстати, рекламу «Стабильности» тоже изучал. Даже склонялся остановить выбор на них: предложение было чуть выгоднее прочих. Хотя общество не самое крупное. И вот, извольте, новость: живого человека трупом назвали, а денежки старухи наверняка прикарманили.

Разбираться сил у Кирьякова не имелось. Но и отделаться от вдовы не было возможности. Положив чистые листы, подтолкнув чернильницу с пером, он просил ее изложить обстоятельства подробно. А там видно будет...

Ферапонтова принялась водить пером по бумаге.

От скрипа Кирьяков морщился, будто мозги колото иголками. Но терпеливо снес до последней запятой и подписи, которую вдова выводила особо тщательно. Он обещал дать знать, как только проведет розыск. И пообещал бы что угодно, лишь бы старая ведьма наконец оставила его в покое. Вдова пригрозила заглянуть, если через три дня не будет известий. Отсрочка Кирьякова устраивала, он от души пожелал ей всего доброго. То есть сдохнуть поскорее, чтобы не мучить больного человека живым мертвецом.

– Экое дельце-то занятное, – сказал Лелюхин, когда шаги беззащитной вдовы стихли. – Живой труп явился собственной персоной... Пушкину бы приглянулось.

Кирьяков готов был хоть сейчас отдать жалобу. Кому угодно. И особенно Пушкину. Общение с вдовой Ферапонтовой – редкое, если не сказать, незабываемое удовольствие. Другу не пожелаешь, а вот Пушкину – всегда

пожалуйста. Ничего такого Леонид Андреевич вслух не произнес, а попросил у Лелюхина немного водички. Из той, что осталась в графине.

Да и где этот хваленый Пушкин? Ау, Пушкин, где ты?

Нету Пушкина.

Который день службу прогуливает под благовидным предлогом. И все ему с рук сходит.

• 3 •

Москва еще куталась в снежные покровы. По мерзлому февральскому насту сани лихо подкатили к старому дому на Большой Пресненской улице. Извозчик поторопился откинуть меховую накидку и галантно предложил пассажирке варезку, чтобы ловчее встала из саней. Вернее – руку в овчинной рукавице. Прямо как завзятый кавалер. Дама в меховом полушубке и шапочке с озорным перышком одарила за любезность рублем и улыбкой.

На улице было темно, до дома она добралась, минуя обледенелые холмы снега. Дверь по простоте московских нравов не запирали. Она вошла в сени, или прихожую, – обширную комнату, в которой уже было жарко, по-купечески натоплено. Гувернантки или прислуги для помощи гостям не было. Что тоже отвечало понятиям домашней бережливости.

Разыскивая местечко, чтобы пристроить полушубок среди множества мужских пальто, дама обошла вешалку размером с небольшой забор и потянулась к пустому крючку. Рядом с вешалкой было воткнуто узкое зеркало от пола и чуть не до потолка. Как любая дама, проверила, все ли у нее в порядке. Выглядела она так, как должна выглядеть почетная гостья на дружеском вечере. В темном отражении мелькнула фигура, а за ней другая. Какие-то гости секретничали между собой. Она старательно сделала вид, что ничего не заметила. В доме посторонняя, надо держаться приличий.

Судя по шуму и смеху, гости собрались на втором этаже. Поднявшись по массивной лестнице, она сразу оказалась в большой гостиной. В ярко освещенной комнате пахло блинами и духотой. Обеденный стол, заставленный

рыбными закусками, горками блинов и бутылками вина, был сдвинут к стене. Центральную часть залы оставили свободной, как для танцев. На опоздавшую обратились взгляды. Что для нее было привычно.

За спиной кто-то сказал: «Прошу прощения», мимо проскользнул молодой человек, который сразу вошел в компанию, пожимая руки и приветствуя знакомых. Он, как видно, припозднился к началу застолья.

Баронесса только успела зажечь дежурную улыбку, как из толпы вылетела фигура в черном, бросилась к ней и без церемоний повисла на шее, обнимая и целуя, как родную. К горячему приему дама была не готова. И не любила подобной пылкости. Но ответила на поцелуи.

– Какое счастье... Как я рада вас видеть, драгоценная баронесса!

Валерия сияла неподдельным счастьем. За месяцы, что прошли с их последней встречи, барышня не изменилась. По-прежнему затягивала волосы в тугий пучок, по-прежнему в траурном платье. В ней окончательно исчезли игривость, кокетливость и некоторая спесь, свойственная хорошеньким барышням из богатых семей, которые могут выбирать себе женихов. Лицо ее было бледным и уставшим, как будто девушка не высыпалась. Или слишком повзрослела. Только порывистость осталась прежней.

– И я рада вас видеть, моя милая, – ответила баронесса, поглаживая ее руку и стараясь при этом освободить локоть, в который вцепились сильные пальчики.

– Когда вы приехали?

– Несколько дней тому...

– Почему же сразу не дали знать?

– Потребовалось немного времени, чтобы устроиться в Москве, – уклончиво ответила она. – Но вот я у вас.

– Вы сдержали слово! – с восторгом проговорила Валерия.

– Я всегда держу слово, моя милая...

– Как приятно слышать...

– Вижу, помирились с отцом, – баронесса еле заметным движением указала на притихших гостей.

– Отец уехал из Москвы, могу распоряжаться домом, позвать гостей, отмечать Масленицу, закатить пир, играть в игры... Так, вы со мной, баронесса?

Валерия ожидала ответа, как вердикта суда.

– С вами, милая, во всем, что не приведет к фатальным последствиям...

– Благодарю вас, – Валерия порывисто прижалась к ней и отпрянула.

– В телеграмме вы просили о срочной помощи... Что-то случилось?

– Ничего. Обсудим после. Давайте встретимся завтра у «Эйнема» в Театральном проезде. Как я мечтала вас снова увидеть... А сейчас будем веселиться и есть до отвала... Для того Масленица... Впереди Пост.

Взяв баронессу за руку, развернулась к гостям, как в фигуре бального танца.

– Господа, прошу вашего внимания, – громко сказала она, хотя в гостиной было тихо. – Позвольте представить мою бесценную подругу, баронессу фон Шталь из Петербурга. Она приехала, чтобы... чтобы повеселиться в Москве на Масленицу.

Баронесса наклонила голову, отдав общий поклон.

Компания собралась любопытная. Все как один не женаты. Судя по отсутствию обручальных колец. На что баронесса по привычке обратила внимание в первую очередь. Трудно собрать лучших гостей для барышни, которая хочет выйти замуж. Вот только баронесса не планировала ничего подобного, а желания Валерии были далеки от семейного счастья. Нельзя было не заметить, что мужчины подобрались примерно одинакового возраста, схожего вида и достатка.

Странность объяснилась, когда Валерия начала представлять их. Здесь был господин Лазарев, молодой человек приятного вида, тот самый, что пришел последним. Не менее приятный молодой человек Малецкий, очень приятный молодой господин Казачков и в целом приятный господин Бастанджогло. А также довольно приятный господин Иерапольский с гордым хохолком. И просто приятный господин Дрягалов. В общем, как и должны быть приятными и располагающими служащие страхового общества господина Алабьева. В дальнем углу гостиной, забившись в подушки дивана, сидел Матвей. Валерия поманила его, но мальчик не подошел поздороваться. Он сосредоточенно рассматривал короб с жуками.

– Слух к нему не вернулся, – сказала Валерия. – Слишком сильно было потрясение... Ну ничего, найдем для него лучших врачей... Баронесса, вы голодны? Прошу к нашему столу.

От угощения баронесса отказалась. В компании приятных молодых людей она ощущала странное неудобство. Как от булавки, забытой модисткой в платье.

– Тогда будем играть!

– Давайте во что-то новое! – потребовал чей-то голос.

Его поддержали:

– В «Агон, или Страж королевы» играли.

– В «Дом карлика» тоже играли.

– В «Золото хоронить» скучно.

– Требуем новую, господа! Валерия Макаровна, ну придумайте развлечение, вы же мастерица на выдумки...

Кажется, эту мольбу Валерия ждала. Она приказала поставить в центре комнаты ломберный столик, который до поры держался в углу. Столик был перенесен и раскрыт усилиями молодых людей.

- Сегодня, господа, будем играть в «Гусика».

На зеленом сукне оказались два листа с рисунками. На одном крестьянские ребятишки удерживали щит, разграфленный на цифры, которые располагались в хаотичном беспорядке. На другом – игровое поле со «змейкой» из цветных прямоугольников. В каждом прямоугольнике находилась цифра в порядке возрастания, на некоторых цвет заменял рисунок. «Змейка» сворачивалась в петлю, в центре которой летел гусь.

- В «Гусика»? Как мило...

- А как играть?

- Кажется, детская игра...

- Настольная, – оборвала недовольные возгласы хозяйка вечера. – И чрезвычайно занимательная. Прошу внимания.

Она огласила правила. Каждый играющий кладет в банк выигрыша мелочь. Валерия ведет игру, то есть бросает шарик, скатанный из свечного воска, на лист с цифрами. На какую цифру шарик упадет, такой игрок делает ход. Если игрок попадает ходом на картинку «мост» – платит монетку. Но если заплатит вдвое – может идти вперед до номера 12. Попав на поле «гусь в камышах», игрок может сразу удвоить ход. Если игрок попал на поле «гостиница» – пропускает один ход и платит за постой две монетки. Кто попадет в «колодец», платит три монетки и сидит на этой картинке, пока его не вытащат, то есть какой-то другой игрок не попадет на это поле. Если попал на поле «лабиринт», плати одну монетку и иди назад на два поля. Если попадаете на поле «смерть», платите одну монетку и возвращайтесь в начало игры. Ну и так далее.

Выигрывает тот, кто доберется первым до цифры 63 и, собственно, летящего гуся. Только попасть надо ровно, без перебора. Не так просто, как кажется.

Валерия обещала, что игра будет азартной. Судя по настроению игроков, они собирались биться за победу. В качестве фишек предложили использовать хлебные шарики со стола.

– А что получает победитель? – тихо спросила баронесса.

– Выполняет мое желание, – ответила Валерия, подмигнув. – Ну или я его...
Смотря какое у меня будет настроение...

В гостиной появился еще один молодой человек, не менее приятный. Впрочем, чуть старше других. Баронесса узнала его. Одет скромно, но дорого, пиджак английской шерсти, перстня или брильянтовой заколки в галстук нет, вместо платка или бутоньерки из нагрудного кармана торчит курительная трубка. За прошедшие месяцы в нем случилось одно изменение: завелась окладистая, густая борода, которая сильно его портила. То есть старила.

– Сестра, представь меня твоей очаровательной гостье, – сказал он, подходя с мягкой улыбкой.

Валерия назвала баронессу, Кирилл Макарович с поклоном поцеловал ее руку.

– Мы не могли где-то встречаться, баронесса? – спросил он. – Ваше лицо мне кажется знакомым...

– Мир полон знакомыми и похожими людьми, – ответила она, не желая напоминать, где они виделись.

– Или играй, или не мешай, – строго сказала Валерия. Из чего можно было сделать вывод: она вертит братом, как обручем на пальце.

Кирилл Макарович послушно отступил к гостям. Перед ним раздвинулись, уступая место за столиком, но он скромно встал рядом с одним из игроков.

– Господа, начинаем игру! – Валерия подкинула восковой шарик.

– Глаза! Глаза! Нечестно! – закричали сразу несколько голосов.

Валерия согласилась завязать себе глаза. Черный платок нашелся у нее в рукаве. Туго затянув узел, она поправила нижний край платка, чтобы исключить жульничество.

– Правила известны, – сказала Валерия, опираясь о край стола и занося руку над картинкой с цифрами. – Пусть фортуна определит победителя. А я, как слепая Фемида, обещаю бросать честно. То есть случайно.

– Кажется, эту игру можно выиграть с одного удара, – сказал Малецкий.

Валерия повернулась на звук его голоса:

– Если шарик упадет на цифру 63... Для этого нужна большая удача. Я такой не встречала... Кто ходит первым?

– Я, позвольте мне! – вызвался Лазарев. – У меня такое чувство, господа, что сегодня я непременно выиграю! Как полагаете, Кирилл Макарович?

– Очень возможно, – отвечал тот, поглаживая бородку.

– Тогда буду рисковать, проверяя судьбу!

– Хватить болтать! – прикрикнула Валерия и разжала кулачок.

Шарик мягко шлепнулся о лист и откатился на цифру 6. По правилам Лазарев получил право занести хлебный катыш сразу на поле 23, захватив лидерство.

– Ага, я прав! – вскричал он. – Сегодня счастливый день!

Игроки устремились в погоню.

Молодые люди увлеклись, просаживали мелочь и радовались, как дети. Баронесса скучала. Она не уходила, чтобы не обидеть Валерию, которая была занята бросанием шарика.

Чтобы развлечься, баронесса стала рассматривать гостиную. Признаков богатства она не нашла. Скорее – экономии. Стены украшали не картины в массивных золоченых рамах, не канделябры, не мейсенские тарелки, а коробка с коллекцией насекомых. Как будто дом был целиком отдан под увлечение младшего сына.

Зато она отметила другое: с каким внимательным интересом поглядывал на нее Кирилл Макарович, почти не следя за игрой. Что для приятного молодого человека было простительно. А для баронессы – немного развеяло скуку. Она ответила на его взгляд ничего не значащей сдержанной улыбкой. Чтобы не поощрять пустые надежды.

24 февраля 1894 года,

четверг масленичной недели

• 4 •

Для кого мороз – грозный воевода, а для кого – отец-кормилец. Немалая часть московского делового люда кормилась от мороза, многим старик пользу приносил. Взять хотя бы нищих: в холода сердобольные господа подавали куда щедрее, чем в летнюю жару. Сбитенщики бойко разливали обжигающий напиток из чайников, укутанных одеялами. Ренсковые погреба и питейные трактиры согревали народ не только чайком. Каретные мастерские продавали и чинили сани. Владельцы дровяных и угольных складов разве что не молились, чтобы мороз крепче пробирал, а печи в домах топили жарче. Торговцы мехами сбывали большую часть лежалого товара. Даже театры морозам радовались: публика бежала развлекаться и греться.

Были артели, которые промышляли только в мороз: на Москве-реке и прудах резали лед. Массивные бруски в два аршина[5 - Аршин = 0,7111 метра.] длиной и пол-аршина шириной выпиливали из ледяного покрова, складывали на волокуши и отвозили на продажу. Покупателей было много, вся Москва. В домах и ресторанах запасались льдом на весь год, до следующих холодов. Ледяные чурбачки держали в ледниках, где хранились припасы. Понемногу откалывали для мороженого, для компрессов от мигрени, для лечения зубной боли или опохмела, ну и прочих домашних надобностей. В самый жаркий день в леднике холод стоял такой, что зуб на зуб не попадал. Чурбачков набирали с запасом, с первого тепла лед взять неоткуда. Промысел был выгодный, но только в зимние месяцы.

Артель Ивана Гаврилыча Паплина подрядилась колоть на Пресненских прудах. Вода там промерзала глубоко, лед вставал толстый, а риску никакого. Много было рассказов, как на реке лед отрывало, рубщик падал в черную воду, течение утащит, и поминай как звали. Сам Паплин таких случаев не видел, но старался без нужды не геройствовать. На прудах, если свалишься в прорубь, свои всяко вытащат.

Артельщики кололи вторую неделю. Ранние проруби уже покрылись льдом. Слишком тонким, чтобы брать. И без того льда хватало, пруды обширные. Со вчерашнего дня проделали длинный, в пять сажений[6 - Сажень = 2,1335 метра.], канал, из которого ловчее выпиливать ледяные бруски. Пилили обычной двуручной пилой, подцепляли отпавший брусок багром с металлическим крюком, вытаскивали из воды, а там уже складывали штабелем на сани. Бруски, с виду прозрачные, были тяжелыми, одному не поднять.

Паплин сам не колот, приглядывал, как мужики стараются. Его дело самое важное: подъехать к покупателю и цену хорошую получить. Он часто покрикивал, чтобы шевелились: уже Масленица, до тепла недели три-четыре, мороз отступит, и все, закончится их промысел. Мужики бурчали, но трудились без лодырьства, понимали, что себе лишнюю копейку добывают.

Колька, самый молодой артельщик, старательно двигал пилой вверх и вниз, вгрызаясь в лед. Гришка с Ванькой потащили напиленные бруски на волокуши. И тут в воде показалось нечто большое и черное. Колька сразу понял, что это такое: наверняка сом здоровенный. От зимней спячки совсем одурел, поднялся со дна, от коряг, воздуха в полынье набрать. Он сейчас вялый, еле шевелится, голыми руками можно взять. А сколько у него мяса, какую уху наварить можно! Оставив пилу торчать изо льда, Колька стал примериваться.

Хитрая зверюга поигрывала спиной, будто переваливалась с боку на бок, немного подныривала и всплывала опять. Ничего не боится хозяин пруда, нежится, дышит. Колька сразу смекнул, что сом, должно быть, размера удивительного. Пудов на пять, а то и шесть. Как бы его достать? Сети нет, не нырять же самому в ледяную воду. И тут он сообразил, как изловчиться.

Подхватил Колька багор, который был под рукой, занес над спиной сома, хорошенько примерился и всадил железный крюк в самую горбину. А как всадил, так и принялся тянуть и кричать во все горло, чтобы товарищи прибежали на помощь. Задумка удалась. Сом не сопротивлялся, Колька подтащил его к самой

кромке льда. Одному дальше не вытянуть. Тут как раз Гришка с Ванькой вернулись. Колька им в запальчивости кричит: «Вон какую рыбину подцепил, чего рты раскрыли, тащите баграми, пока сом не опомнился».

Мужиков уговаривать не пришлось. Схватили багры и давай сома вместе вытаскивать. Дело пошло споро. Сом здоровенный, хорошо хоть не брыкался, а то бы ушел. Трое мужиков еле выволокли рыбину на лед. А как увидели, что за чудо поймали, так и замерли с баграми.

– Это что же такое? – только и сказал Колька в полном своем удивлении.

Да тут как раз Паплин рядом оказался. Увидел, что его работнички из воды вытянули, и сразу смекнул, что вляпались в большую беду. Тут уж затылки чесать некогда, убирать с глаз долой, пока кто не заметил. Приказал в воду столкнуть и баграми под лед затолкать. Авось не выплывет больше. Только мужики стояли, как дурни. Рукой пошевелить не могут.

Ругнулся на них Паплин в сердцах, выхватил багор и сам стал сталкивать. Край проруби рядом, да только такая тяжесть, что не идет, как примерз. Паплин в другой раз так рявкнул, что мужики очухались, стали помогать. Да только не успели. Как раз у них за спинами раздался полицейский свисток. Паплин как услышал, так у него все нутро и обмерло. Все, поздно, попались... Как тут объяснишь...

– Это что же такое натворили?

Принесла нелегкая городского Тараскина. Откуда только взялся. Зашел городской к проруби, и тут перед ним предстала картина во всей красе.

– Вот, значит, как лед колете, – говорит он, а сам кобуру револьверную расстегивает. – Ну молодцы, душегубы...

Паплин еще попытался объяснить:

– Да что вы, ваш бродь, в проруби сам плавал, а мои не разобрали, что к чему, вытянули, и вот...

– Сам плавал, говоришь, не разобрались, говоришь, ну вот пристав с вами и разберется, молодчиками, – говорит Тараскин и, не слушая мольбы, свистит в полицейский свисток двойным тревожным свистом, чтобы с другого поста прибежал на подмогу городской.

А раз мужики приказу его не подчинились и багры не бросили, вынул револьвер, на них навел. С самыми серьезными намерениями. Будут знать, что полиция со злодеями шулки не шутит.

• 5 •

В толпе, что вечно спешит и торопится вверх и вниз по Тверской улице, шел ничем не примечательный господин. Проходящие мимо дамы бросали на него взгляд, какой любая воспитанная дама бросает на улице, – куда ни попадя, по причине неизбежного любопытства. По мнению дам, хотя кто его знает, какое у них мнение, господин был ничем не примечательным.

Судя по одежде – скромного достатка, хотя воротник меховой и пальто приличного сукна, на голове теплая шляпа, на ногах – начищенные ботинки (дамы часто обращают внимание на ботинки, как будто других достоинств недостаточно). Скорее всего – рядовой чиновник городской управы. Скользя взглядом, дамы теряли всякий интерес к прохожему. Не замечая некой строгости, если не сказать холодности, на его лице, какою в Масленицу редко встретишь.

Господин упускал взгляды, какие в изобилии сыплются на неженатого мужчину после тридцати лет. Казалось, ему вообще дела нет до того, что происходит на улице, до разукрашенных витрин, проезжавших саней, криков разносчиков и прочей праздничной суеты. Он шел к выбранной цели, не спеша, погружившись в размышления, но какие – невозможно было отгадать по его лицу. Дойдя до угла Тверской и Малого Гнездниковского, он остановился, немного постоял, словно взвешивая, и не свернул в переулок, куда намеревался, а двинулся дальше, к Страстной площади и Тверскому бульвару.

Пушкин, а это был именно он, в который раз бессовестно опаздывал на службу. Нельзя сказать, что он нарочно испытывал терпение начальника сыска Эфенбаха или показывал характер. Ничего подобного себе бы не позволил.

С некоторых пор, а именно с десятых чисел января, Пушкин потерял всяческий интерес к сыску. Потерял настолько, что чуть было не написал прошение об отставке. Точнее, уже написал, но пока держал дома, в ящике письменного стола. Да и дел, которые могли занимать его ум, не попадалось.

А попадались самые мелочные делишки: приказчик москательной лавки убил своего хозяина, украл из кассы пятьдесят рублей, напился, протрезвел и пришел каяться в содеянном. Супруга мелкого чиновника ударила мужа из ревности подсвечником, а когда поняла, что убила, села рыдать, соседи услышали плач, вызвали полицию. У вдовы-генеральши на улице срезали сумочку со ста рублями в ассигнациях. И тому подобное.

Вместо расследования преступлений чиновникам сыска в основном доставались горы бумажной работы. Справки, отношения, запросы по самым пустячным поводам сыпалась как снег и требовали ответов. Пушкину оставалось только одно: избегать подобной участи. Для чего он нашел прекрасную отговорку: занятия в архиве полиции. Ни в какой архив он, конечно, не ходил, но Эфенбах делал вид, что позволяет своему лучшему чиновнику заниматься архивными делами. До поры до времени.

Веской причины являться на службу вовремя сегодня у Пушкина не было. Если бы такая причина появилась, уж его бы подняли с постели в любой час ночи. Потому между скукой приемной части сыска и визитом к тетушке он выбрал более полезное.

Тетушка проживала поблизости от Страстной площади. Из окон ее квартиры памятник Поэту был виден чуть-чуть в профиль. Но это и так уже известно. Куда менее известно, что Пушкин стал часто, если не сказать регулярно, навещать тетушку. Чего за ним раньше не водилось. Нельзя сказать, что Пушкин не любил родственницу. Он ее обожал, как может обожать только любимый племянник, воспитанный тетушкой. Именно поэтому до недавнего времени он старался бывать у тетушки как можно реже.

Все изменилось. Теперь Пушкин заглядывал к Агате Кристафоровне раз, а то и другой на неделе. Причина была столь проста, если не сказать очевидна, что он ни за что бы не признался. Повод навестить тетушку с утра пораньше был как никогда удачным: в четверг Масленицы следовало посещать с визитом тещу и поедать ее блины. Тещи у него не было, а тетушка – равноценная замена. Какая разница, у кого наедаться до потери дыхания. Главное, масленичную традицию

соблюсти.

Поднявшись на второй этаж, Пушкин покрутил рычажок механического звонка. Тетушка держала кухарку Дарью, которая выполняла обязанности горничной и прислуги. Открывать любимому племяннику не спешили. Более того, за дверью слышалась возня, как будто тетушка спорила с кем-то, понизив голос. Это было столь непривычно, что Пушкин прислонил ухо к створке.

Действительно, в прихожей царили суэта и шуршание, какое может происходить, когда женщины мечутся в панике и не знают, что делать. Не желая отступить, а более оставаться голодным, Пушкин решительно крутанул звонок еще раз и добавил настойчивый стук в створку. Мало того, громким голосом сообщил:

– Тетушка, это я... У вас все в порядке? – тем самым давая понять, что будет настойчив не только как голодный племянник, но и как чиновник сыска, заподозривший неладное.

Из прихожей опять донеслась шумная неразбериха. И все смолкло. После чего дверной замок издал жалобный скрип. Тетушка негостеприимно выскользнула за порог, заслонив дверь.

– А, это ты, мой милый, – сказала она, как будто запыхалась. – Не ждала тебя сегодня.

Обладая острым, почти математическим умом, тетушка хронически не умела врать. Иначе придумала бы другую отговорку: на прошлой неделе настойчиво звала племянника на блины. Именно в четверг. И вот результат...

– У вас гости? – спросил Пушкин, не зная, как вести себя в такой ситуации. Никогда тетушка не встречала подобным образом: без объятий и поцелуев, которых Пушкин стеснялся.

– Какие гости? С чего ты взял? Никаких гостей у меня нет...

Вранье слишком наивное, чтобы не быть очевидным. Кого может скрывать тетушка, Пушкин и думать не хотел. В конце концов, она имеет право на личную

жизнь. Еще не слишком старая женщина. Некоторые в ее возрасте другой раз замуж выходят. И забывают любимых когда-то племянников...

Печаль тенью накрыла сердце Пушкина.

– Простите, что помешал, – он холодно поклонился, намереваясь покинуть дом, ставший чужим для него.

Тетушка бросилась и поймала за рукав.

– Постой, мой милый... Случилось несчастье: у меня сгорели блины...

В самом деле, от платья и волос тетушки исходил густой запах гари. Как будто сама стояла в чаду у плиты. Этим можно объяснить, что вместо блинов Пушкина ждали угольки: готовить тетушка не умела катастрофически. Кухарка спасала ее и от голода и от позора перед гостями.

– Отпустили Дарью?

– Вчера отпустила, сегодня вернется, – с тяжким вздохом призналась преступница. – На сковородке все сгорело дотла... Еще немного – и сгорела бы и кухня, и остальное. К счастью, дом застрахован... Прости, ко мне не войти, буду вскрывать окна и проветривать... Хотела тебя порадовать, и вот чем кончилось... Когда запах немного выветрится, приходи, мой милый... Хоть сегодня вечером... И не обижайся...

Пушкина наградили привычными объятием и поцелуями. Замена блинам откровенно слабая, но выбирать не приходилось. Ничего не оставалось, как брести на службу. Нарочно громко топая, Пушкин спустился по лестнице, хлопнул входной дверью и затаился внутри. Наверху, где он не мог увидеть, скрипнула дверь тетушкиной квартиры и послышался тихий шепот. Она с кем-то спорила. Это явно была не Дарья...

Он мог бы взбежать и разоблачить хитрость. Но ставить тетушку в неловкое положение... Нет, так любящие племянники не поступают. Даже оставшись без блинов.

Опыт полицейской службы говорил приставу Носкову, что люди часто творят глупости, о которых потом сильно жалеют. Творят не по злобе или коварству, а поддавшись безумному искушению. Мирный обыватель может вдруг накуролесить такое, за что потом будет расплачиваться всю оставшуюся жизнь. И сам не объяснит, что его толкнуло, какая сила заставила убить или взять чужое.

Загадочное явление человеческой природы. Как будто в потаенных глубинах души кроется кровожадное животное, которое до времени сидит на цепи. Стоит цепи ослабнуть, как зверь вырывается наружу. Почему-то на Масленицу люди совершают больше глупостей, чем обычно. Носкову не нужно было заглядывать в статистику, чтобы в этом убедиться. Который год повторяется одно и то же. В его участке и в любом другом.

Стоя на льду Нижнего Пресненского пруда, длинного и вытянутого, как сложенный блин, пристав без пояснений знал, что случилось. И преступников знал. Сам выписывал разрешение на рубку льда. И старший артельщик Паплин был знаком с ним не один год. То, что артельщики натворили, ничем иным, кроме внезапного безумия, объяснить нельзя. Покусились мужики на легкую добычу. Ан не вышло. Теперь будут слезы лить и клясться в невинности. Да только напрасно. Винодность их очевидна.

- Что же ты, Иван Гаврилыч, на злодейство пошел, - безо всякой злобы сказал пристав Паплину. Мужик стоял, понурившись, под охраной трех городовых. Его работники жалась к старшему. - Скажи, что бес попутал, что ли...

- Ничего не попутал, ваш бродь...

- Значит, спьяну, что ли, на золотишко покусились?

- Не было такого... Сами знаете, копейку честным трудом добываем...

- Ну тогда сознайся, облегчи душу...

- Не в чем нам каяться... Не было от нас никакого злодейства...

Тело, лежавшее у ног пристава, доказывало обратное. Особенно багор, воткнутый в спину.

– Не было? Вот, значит, как... Тогда расскажу, что было. Пришли на лед, заметили господина в богатой одежде, лежал пьяный, в беспамятстве. Ты, Иван Гаврилыч, и смекнул, что при нем ценности имеются. Карманы обшарили, часы срезали, шубу сняли. А потом багром под ребра – и в воду... Да только не повезло тебе, Тараскин на посту внимательность проявил, за что ему будет вынесена благодарность по службе...

– Рады стараться, ваш бродь, – молодецвато ответил городской и суровым взглядом припечатал злодеев...

– Не трогали мы его, господин в проруби плавал, – подал голос Колька.

Паплин на него рыкнул, но было поздно. Пристав потребовал, чтобы малый все рассказывал, как на духу. За что ему выйдет послабление. Колька и рассказал. Выслушав, Носков понял, что мужики не так просты, как кажутся: заранее сговорились. Значит, за ними могут и другие делишки водиться. Надо будет проверить по тем, что по участку проходят. Вдруг раскрытие случится.

– Куда шубу дели? – спросил он, зная, что ценная вещь уже припрятана в одном из сугробов. Не будешь же весь пруд обыскивать.

– Не было на нем шубы, – ответил за всех Паплин. – И не убивали мы господина этого... Колька как есть вам доложил... Вся вина, что я хотел тело обратно в воду скинуть и под лед затолкать... Чтобы вот такими допросами не мучили... Мы люди смирные, душегубством не промышляем...

Упорный оказался артельщик. Упорный и жадный. Надеется еще выкрутиться. Признает малую часть вины, чтобы на него большую не возложили.

– Значит, господин без шубы лежал... А багром его по хребтине саданули, чтобы разбудить. Так дело было?

Паплин тронул плечами, будто хотел броситься, но остался на месте.

– Вытащили его из проруби помершим... Багром Колька не бил, а подцепил, чтобы из воды достать...

Тут уж Носков позволил усмехнуться.

– А работник твой только что при всех показания дал, дескать, сома выудить решил... Глупо врешь, Иван Гаврилыч, глупо... Сознавайся... Запирательством только хуже себе делаешь...

– Не в чем нам сознаваться, ваш бродь, не убивали мы господина этого. И по карманам у него не шарили... Вот тебе слово, – и Паплин тщательно перекрестился.

Глядя на старшего, осенили себя крестным знаменем Колька с Ванькой и Гришка.

На пристава это не произвело впечатления. Слишком много повидал он воров и убийц, которые самым истовым образом крестились и божились. Ничуть не боясь, что постигнет их кара или молния сразит на месте. Ничего, живехонькие отправлялись на каторгу. Настоящая расплата наступала там...

– Выходит, говорить с вами больше не о чем, только мерзнем зря. – Пристав плотнее запахнул концы башлыка, наверченные на шее. – Тараскин, задержанных в участок доставляй, караульного оставь у тела, пока санитарная карета не прибудет. Проследи, чтобы не перепутали и привезли к нам в Пресненский полицейский дом. А не куда им на ум взбредет... Дело оформим быстро, лишь бы опознание провести... Ну ничего, установим личность, передадим дело в суд, и там уже получите свое...

Городовой, козырнув, принялся толкать мужиков к заснеженному берегу. Паплин насупился и недобро хмыкал. А Колька вовсе заплакал. Арестованные уходили по льду пруда, оставляя дорогой инструмент и волокуши, на которых возвышались три ряда ледяных брусков. Пропала артель, пропало дело...

Напоследок пристав взглянул на тело. Что-то показалось ему странным, чего он не мог уловить и сказать точно. Лишние мысли ни к чему, преступники пойманы на месте преступления. Лучше и быть не может.

Отгнав сомнения, Носков быстрым шагом, согреваясь, направился к полицейской пролетке, что дожидалась на Конюшковской улице, шедшей вдоль пруда. Он был чрезвычайно доволен, что и это происшествие раскрылось так легко. Сегодня был удачный день: с утра уже второе дело, законченное одним махом. Редкое везение полицейской службы.

• 7 •

Не найти во всем Департаменте полиции Российского государства другого полицейского чина, который бы так ненавидел Масленицу, как ненавидел ее обер-полицмейстер Москвы полковник Власовский. Во всяком случае, в Москве – точно не найти. За отдаленные местности империи ручаться трудно, там своих чудаков хватает.

Причина его ненависти крылась глубоко. Во всем и везде Власовский старался навести порядок, причем порядок основательный. Чем противоречил коренным основам российского уклада жизни. Начиная с первого года властвования в Москве, Власовский добился зримых успехов в наведении порядка: улицы стали относительно чисты, городовые находились на постах и днем, и ночью, извозчики не смели требовать грабительскую плату, особенно с приезжих гостей. И даже кое-где купцы перестали обвешивать и обсчитывать. В крупных магазинах и лавках, разумеется. В Охотном ряду как продавали тухлятину до Власовского, так продавали и при нем. И будут продавать впредь до скончания века.

Железный кулак обер-полицмейстера и его стальная глотка наводили порядок, колотя по хребтинам и головам. Порядок кое-как в Москве устанавливался. Особенно в отчетах, которые Власовский предоставлял генерал-губернатору, великому князю Сергею Александровичу, а затем отсылал в столицу.

Только на двух явлениях не отразился порядок, который устанавливал Власовский. Незыблемой крепостью стояла Сухаревка – самый страшный и бездонный, как ад, рынок Москвы, место, куда полиция и днем не спешила показываться. С Сухаревкой (как и с Хитровкой) ничего нельзя было поделаться: только снести под корень и заложить брусчаткой. На что даже лихости Власовского не хватало.

Другой бедой стала Масленица. Ну как тут наведешь порядок, когда Масленица – в застольях каждого дома, в горах блинов в каждом трактире, в гуляниях и катаниях с горок на площадях. Кажется, Масленицей пропитались мозги каждого москвича. И ничего поделаться с этим обер-полицмейстер не мог. Только пуще злился, только выпускал грозные циркуляры по полицейским участкам. Да толку-то...

В этот год Масленица нанесла Власовскому удар, откуда не ждали. По этой причине обер-полицмейстер вызвал к себе начальника сыска. Метод был простой и проверенный: устроить взбучку или выволочку, смотря по настроению, благо статский советник Эфенбах всегда под рукой. Не то что приставы полицейских участков, у которых оставался шанс вовремя спрятаться.

Прибыв в кабинет обер-полицмейстера, Эфенбах сразу понял, что в очередной раз избран мальчишкой для битья. С чем умел справляться по-своему. Он вытянулся по стойке «смирно», являя образец преданного служаки. Сесть Власовский не предложил, возвышался над письменным столом и потрясал какой-то желтой бумажкой, судя по всему, телеграммой.

– Вот что творится! – громыхнул он и швырнул бумажку на край стола. – Изволь-ка ознакомиться!

Эфенбах исполнил приказание. В телеграмме не было ничего такого, что могло привести в расстройство чувств. Не сообщалось о начале новой войны с турками или эпидемии холеры. Напротив, из департамента полиции доносили, что в Москву должен прибыть инспектор французской полиции Жано. Далее назывались дата, время и даже поезд прибытия. На взгляд Михаила Аркадьевича, депешу можно было с успехом выбросить и забыть.

Власовский на этот счет был иного мнения.

– Ты только подумай: нам присылают ин-спек-то-ра... – проговорил он по слогам. – Инспектора! Инспектировать Москву будет! И когда? Когда кругом дым коромыслом! Катастрофа, не иначе, случилась!

Причина волнений оказалась проста: оказывается, обер-полицмейстер не знал, что во французской полиции инспектор – всего лишь служебный чин, причем не из значительных. Как у нас коллежский чиновник, не более. Инспектировать

ничего не может и не будет. Разуверять Власовского было бесполезно, так что оставалось всячески поддерживать его ошибку.

– Да уж, срубили сосенку под самую шляпку, – трагическим образом высказался Михаил Аркадьевич. – И не знаешь, где курица в темечко клюнет!

Власовский уже привык, что начальник сыска своеобразно владел русским языком, а его пословицы могли привести в оторопь знатока народного фольклора. Зато он понял главное: Эфенбах полностью разделяет его тревогу.

– Как спасти Москву будем, Аркадьич?!

Эфенбах точно знал, от кого лучше бы спасти Москву. Но это было выше его сил. Зато сразу придумал хитрость: встретить француза и не выпускать из гостеприимных объятий. Крепко держать, чтобы не рыпнулся куда не следует. Что Михаил Аркадьевич немедля изложил. Идея была столь проста, что нашла отклик в израненной душе Власовского.

– Молодец, просветленная голова! – похвалил он. – Собирай своих чиновников, чтобы со мной в почетном карауле встречали. Потом будешь лично развлекать инспектора. Глаз с него не спускать! Об остальном распоряжусь. Свободен...

И тут Михаил Аркадьевич понял, что сам себя загнал в угол: вместо того чтобы ехать к Тестову обедать изумительными блинами, всему сыску предстоит тащиться на вокзал. А потом развлекать француза. И это когда Москва гуляет Масленицу!

Делать нечего, Михаил Аркадьевич поклонился и отправился к себе на третий этаж.

Незадолго до этих драматических событий в приемной части сыска наконец появился Пушкин. Устроившись за своим столом, он стал прикидывать, сколько времени совесть позволит ему ничего не делать. Кажется, совесть не слишком собиралась тянуть. Подошел Лелюхин.

– Что, Алеша, скучаешь? – спросил он с отеческой прямоотой.

– Некогда скучать, пора в архив отправляться, – отвечал Пушкин.

Лелюхин ласково погрозил ему пальцем, в который въелось чернильное пятно.

– Хитри, хитри, да знай меру... Для тебя дело имеется. Занимательное...

Пушкин совсем не хотел браться за дело. Наверняка вся занимательность на поверхности.

– Что за дело? – из уважения к годам Лелюхина и дружеским отношениям спросил он. И тут же получил на стол несколько листков, исписанных старческой рукой.

– Пришла вчера к нам, когда тебя весь день не было, милая старушка и подала жалобу: дескать, ее посчитали умершей.

– Соседи почтенную даму обидели. Да, занимательно...

– Нет, не соседи, Алеша... Ее по документам посчитали умершей. Причем так крепко умершей, что отказались страховать. Говорят: мы покойников не страхуем, им это без надобности... Живой труп, да и только...

Это было нечто новое. Во всяком случае – необычное. Пушкин взял показания и просмотрел первый лист.

– «Стабильность» давно страхованием занимается.

– Почтенное общество, в скандалах и обманах не замечены. Не могли так напутать. Так возьмешься? А то Кирьякову некогда, опять с купцами обедает... Да и старушку жалко, одинокая вдова, заступиться некому...

Это была коварная уловка. Именно такая, как рассчитывал Василий Яковлевич. И добился своего: дочитал показания Пушкин, не отбросил.

– Проверить на всякий случай, – сказал он.

– Вот и проверь, Алеша... А то ведь...

Лелюхин не успел ничего добавить – в приемное отделение влетел Эфенбах и объявил общий сбор: все отправляются на вокзал с почетной миссией. Отказ Пушкина был решительно отвергнут: он, конечно, лучший сыщик, надежда и туз в рукаве, но совесть тоже надо иметь. Никакое новое и важное дело Эфенбах в расчет принимать не хотел. Даже если бедная вдова живой зачислена в мертвецы. Пушкин поедет со всеми на вокзал. А потом пусть занимается старухами сколько душе угодно.

– Так что, раздражайшие мои, вяжите галстуки на парадный манер! – закончил он.

К досаде Михаила Аркадьевича примешивалась неуверенность: разговорным французским он владел недостаточно бойко. Пушкин был нужен ему как язык. То есть как владеющий французским языком в совершенстве.

• 8 •

Войдя в гостиную, Агата Кристафоровна плюхнулась на диван с тяжким вздохом.

– Ну, дорогуша, чуть не попались...

Напарница, которая приложила руку к разжиганию паники, пребывала в сильном волнении. Настолько сильном, что мяла кухонный фартук.

– Полагаете, он ничего не понял? – спросила она нарочно равнодушно.

Обмахиваясь платочком, тетушка приходила в себя.

– Я бы на это не рассчитывала. Слишком умен и сообразителен мой дорогой Пи. Не зря с детства учила его разгадывать ребусы и математические головоломки.

Измятый фартук мадемуазель зашвырнула на подоконник, чуть не сбив кадку с лимонным деревцем.

– Тогда наша задумка бесполезна, – сказала она с глубокой печалью.

Чтобы гостя окончательно не раскисла, тетушка позвала ее на диванчик. Это место было в своем роде волшебное, если не сказать целительное: сколько подруг Агаты Кристафоровны изливали на нем душу и находили утешение, а кто и бесценный совет.

– Не все так плохо. – Тетушка оправила на плечиках гостя сбившиеся воланы. В недавней суете они пострадали больше всего. – Мой милый мальчик, конечно, хитер. Но я-то хитрее... Вздумал провести меня топотом по лестнице. Детская ловушка, честное слово! Хорошо, что говорили шепотом... Уверена: он догадался, что у меня гости, но кто именно – не понял.

Это была хорошая новость. Агате Керн так хотелось верить в нее.

...Неделю назад она прислала телеграмму, что приезжает в Москву. Умоляя не рассказывать об этом Пушкину. В качестве платы за молчание тетушка потребовала, чтобы она остановилась у нее. Чему Агата была искренне рада. Агата Кристафоровна встретила гостью, как родную. И тактично не расспрашивала, по какой причине Агата вернулась. Между ними возник план, как воспользоваться ее приездом для одного очень важного дела, о котором каждая из них знала, но не смела произнести вслух, а лишь поминала намеками. Можно лишь указать, что блины в нем играли не последнюю роль. Но и только. Дальше – заговор молчания...

– Времени у нас не осталось, – продолжила тетушка. – Мой милый мальчик пристрастился захаживать в гости чуть не два раза на неделю. Все интересовался новыми письмами от тебя... Заодно посматривал на твои портреты... Оторваться не мог...

Сейчас Агата имела право сделать то, что старательно запрещала себе. Она взглянула на столик, где среди фарфоровых фигурок стояли в рамках три рисунка, которые были вырваны из блокнота Пушкина. А потом отняты у него тетушкой с коварным умыслом. Эти рисунки Агата знала как никто другой и втайне гордилась ими. Перевоплощения в разных женщин ей удавались. Только карандаш Пушкина смог уловить общие черты. С чего все и началось...

– Вечером нагрянет, можешь не сомневаться.

- Сегодня вечером... Это ужасно, - сказала Агата, не скрывая волнения.

- Боишься, что не сладим блины? Пустяки, Дарья вот-вот вернется, испечет такие, что пальчики оближешь...

- Обманывать нехорошо...

Мудрая мысль в устах великой воровки и обманщицы прозвучала особо выразительно. Тетушка только хмыкнула.

- Как прикажешь...

Резко подскочив, будто что-то забыла, Агата снова плюхнулась на подушки.

- Сегодня... Нет, это ужасно...

Недомолвки утомили. Агата Кристафоровна во всем любила ясность и прямоту. Она потребовала, чтобы Агата угомонилась и наконец рассказала, что ее так беспокоит. То есть призналась наконец, зачем появилась в Москве.

- История, что ты решила учиться на курсах домашнего хозяйства, конечно, мила, но не убедительна, - сказала она. - Немного зная твои способности, с трудом поверю, что захочешь стоять у плиты... Даже ради большой мечты...

Тут тетюшка спохватилась, что сболтнула лишнее. Агата припечатала ее беспомощным и укоризненным взглядом.

- Я действительно хочу ходить на курсы «Искусство кулинарии» при Обществе распространения домашних знаний между женщинами...

Агата Кристафоровна отмахнулась, как от сгоревшего блина:

- Знаю, знаю, все платья провоняли прогорклым маслом... Но если хочешь, чтобы я помогала тебе во всем... - она снабдила «во всем» особо жирным ударением, - то изволь говорить правду: зачем приехала в Москву и чем так важен для тебя сегодняшний день. Не смей сказки сочинять. Не поверю.

Выбор был, прямо сказать, небольшой. Лишиться помощи тетушки значило для Агаты потерять всякую надежду на исполнение ее мечты. А не только обидеть гостеприимную хозяйку.

- Это не моя тайна, - ответила она.

Тетушка похлопала себя по груди:

- Поверь, дорогуша, здесь похоронено столько тайн, что Москву можно разрушить в два счета, если их разболтать. Рассказывай!

Делать было нечего. И Агата рассказала историю, которая началась прошлым летом в Ницце, а закончилась недавней телеграммой Валерии с мольбой приехать как можно скорее. Агата Кристафоровна выслушала внимательно, не перебивая.

- А сегодня что должно случиться? - только спросила она, когда Агата рассказала, как прошлым вечером посетила дом Алабьева.

- Встречаюсь с Валерией... Может потребовать, чтобы я находилась с ней... Я не смогу отказать...

- Ну, это беда не то чтобы трагического масштаба, - отвечала тетушка, быстро просчитывая ситуацию. - Придет мой милый племянник сегодня, ну не увидит тебя... У Масленицы еще три дня. Блинов Дарьи хватит на всех. Главное, ликвидировать следы твоего присутствия, у него глаз зоркий... А что потом с этой шальной девчонкой будешь делать?

- Все возможное, чтобы не позволить Валерии совершить глупость.

- Тебе известно, что именно она задумала?

Агата покачала головой:

- Вчера сказала, что ловушка готова, осталось ее захлопнуть...

– Ловушка на отца?

– Нет-нет, это невозможно, – запротестовала Агата. – Господин Алабьев в отъезде. Валерия обещала, что не будет замышлять против него...

– Тогда кому готовится западня?

Агата предпочитала промолчать. Хотя, конечно, догадаться труда не составило. Тетушка пребывала в задумчивости. То есть тоже молчала.

– В Москве все друг друга знают, – наконец проговорила она. – Этот Алабьев... Ничего доброго про него не слышала. Говорят, нрав дикий, самодур, одна жена утонула, вот теперь и другая погибла, женился на молоденькой, даже траур не выдержав... Нехороший человек... Семья дурная... Тебе, милая, совет мой: держись от них подальше.

– Не могу, дала слово.

– Недолго и обратно взять.

– Решительно невозможно.

Сказано было таким тоном, что Агата Кристафоровна невольно прониклась уважением. Бывшая воровка имела твердые представления о чести. Намного более прочные, чем у господ, которые кичатся своим «честным именем».

– Тогда не знаю, чем тебе помочь, – сказала она.

Агата обняла и расцеловала ее.

– Вы и так помогаете мне безмерно... Я перед вами в долгу...

– Перестань хитрить, лиса, – отвечала тетушка с притворной строгостью. Ей было приятно. – Если не можешь отказаться, то будь осторожна. Ничего не скрывай... От меня... Может, и обойдется... Ты куда собралась?

Опасаясь, что тетушка ее задержит, Агата заторопилась в прихожую.

- Постараюсь выяснить, что затевает Валерия...

Агата Кристафоровна еще раз просила, чтобы она была осторожна. Хотя тетушка не признавала предчувствий и подобной ерунды, на душе у нее было тревожно. Как за родную дочь. Или племянницу.

• 9 •

Пассажиры, оказавшиеся в этот час на Брестском вокзале[7 - Вскоре был переименован в Александровский, ныне Белорусский.] Московско-Брестской железной дороги, стали свидетелями большой суеты, какая всякий раз происходит перед визитом важных гостей. На крытом перроне, где ожидалось прибытие Варшавского поезда, царил ураган. В центре урагана возвышалась фигура обер-полицмейстера, который каждым новым распоряжением нагнетал суету.

Перрон уже дважды был выметен и очищен от снега. Господам встречающим и носильщикам было велено не заходить на чистый перрон, стоять у входа и дожидаться, когда позволят. Что вызвало множество гневных замечаний в адрес полиции вообще и обер-полицмейстера в частности. Начальник вокзала чуть не с линейкой вымерил, где будет первый вагон и выход из него. После чего городовые приволокли ковровую дорожку, которую Власовский распорядился снять со своей лестницы, и раскатали так, чтобы сходящий из вагона ступил на нее. Власовскому показалось, что дорожка постелена неправильно, он три раза заставил перестилать. И все равно остался недоволен. Оркестру пожарной команды под управлением брандмайора было указано встать на самом краешке перрона. Так, чтобы встретить гимном прибывающую персону.

Среди этого хаоса про чиновников сыска забыли. Эфенбах со своими «соколами раздражайшими» (как он выражался) держался в сторонке, стараясь ничем не привлекать начальственного внимания. Но и до них дело дошло. Как только в клубах пара показалась морда паровоза, Власовский потребовал, чтобы сыск выстроился за его спиной в шеренгу на манер почетного караула. Пушкину было указано встать во главе ряда, чтобы быть под рукой для перевода. При виде ровного ряда подтянутых чиновников никто бы не подумал, что еще утром они были не в парадном состоянии.

Паровоз медленно подтащил вагон первого класса и окончательно остановился. Дорожка оказалась чуть в стороне от двери и ступенек. Власовский приказал немедленно подвинуть туда, где она лежала в самом начале. Что было исполнено стремительно.

Как только дверца вагона открылась и проводник появился на верхней ступеньке, обер-полицмейстер подбежал и приказал, чтобы первым из вагона был выпущен господин Жано. При виде оркестра, полиции и начальника вокзала проводник крепко удивился и пошел вызывать требуемого господина. Пассажир в долгой поездке ничем не показал, что является важным лицом. Проводнику пришлось убеждать, что именно его приглашают выйти первым.

Как только месье Жано появился на площадке тамбура, с удивлением выглядывая, оркестр грянул гимн Французской Республики. Что вызвало восторг у господ встречающих. Находившийся на перроне жандармский подпоручик Околышев схватился за шашку, чтобы разогнать смутьянов, позволивших в публичном месте исполнить революционный гимн. Подбежав к оркестру с криками «Прекратить!», подпоручик наткнулся на обер-полицмейстера, который одним движением кулака разъяснил: эта «Марсельеза» какая надо, а не призыв к революции. Жандарм убрал шашку в ножны и удалился под аплодисменты публики.

Выслушав гимн с непокрытой головой, господин Жано сразу ощутил, в какую морозную страну попал. Как только последняя нота стихла, он натянул меховую шапку, не зря купленную в Варшаве. Но не решился спуститься на ковровую дорожку. Хотя позади него другие пассажиры первого класса выражали недовольство. Обер-полицмейстер подошел к лесенке и отдал честь. Пушкину был дан знак переводить. По-французски обер-полицмейстер изъяснялся не вполне прилично.

– Рады приветствовать вас, месье Жано, на священной земле древней столицы Российской империи и всего славянского мира! – хладнокровно перевел Пушкин.

Чем привел француза в окончательное изумление.

– Благодарю, месье, – проговорил он. – Но позвольте, к чему такие почести...

Власовский протянул руку, чтобы помочь безопасно спуститься с лесенки. Месье справился сам. Как только он ступил на священную землю, покрытую слегка потертой дорожкой, перед ним вырос по стойке «смирно» городской, который держал серебряный поднос с серебряной стопкой, доверху налитой водкой. Тоже из личных запасов Власовского. Обер-полицмейстер чуть подвел руки городского к французу.

- По русской традиции, с прибытием, - сообщил Пушкин месье Жано.

Тот оглянулся с некоторым опасением.

- Что я должен сделать, месье?

- Выпить до дна, - ответил Пушкин.

Деваться было некуда. Месье Жано поднял стопку, отсалютовал в честь всех присутствующих и сделал большой глоток так, как, он видел, пьют русские. Водка на морозе пошла обманчиво легко. Как только Жано поставил опустевшую стопку, то немедленно попал в объятия Власовского и был расцелован троекратно.

- По русской традиции, - успокоил его Пушкин.

Месье Жано вытер аккуратные усики и старательно улыбнулся.

- Господа, благодарю за теплый прием, но, боюсь, произошла фатальная ошибка... Предполагаю, что вы встречаете инспектора полиции Жано... О, какой водевиль. Я тоже Жано, но только его брат... Говорят, мы похожи как две капли июньского дождя... Тот месье Жано, который вам нужен, прибудет в понедельник... Он задержался в Берлине.

Когда смысл перевода дошел до сознания, Власовский ничем не показал, какой удар нанесла ему Масленица. Опять обманула, проклятая. Только Эфенбах внутренне сжался, предвидя, что начнется.

- А это кто? - ледяным тоном спросил обер-полицмейстер.

– Коммерсант Жано... Представитель французского страхового общества «Mutuelle Vie»[8 - «Взаимная жизнь», крупное французское страховое общество.], прибыл в Москву для завершения переговоров и заключения сделки, – перевел Пушкин быструю речь месье.

– Напутали... Подвели... Опозорили... Подсунули мелкого прохвоста, грязного лягушатника, – проговорил Власовский и пошел прочь от вагона. За ним потянулись начальник вокзала и оркестр пожарной команды. Навстречу хлынула толпа встречающих и носильщиков.

– Месье офицер чем-то расстроен? – спросил Жано, тщательно улыбаясь.

– Месье мечтал познакомиться с вашим братом, – ответил Пушкин, рассматривая дорожный костюм француза. И добавил от себя: – Простите за невольную ошибку.

– О, что вы, это мне надо просить прощения! А вы из полиции?

– Да, чиновник сыскной полиции Пушкин.

– Очень приятно, – месье Жано приподнял край меховой шапки. – Не подскажете приличную гостиницу в Москве?

Пушкин рекомендовал «Лоскутную». Там у него был знакомый портье. О чем французу знать не обязательно. Совет обрадовал, месье благодарил. Он поручил носильщику взять багаж из вагона, поклонился и пошел по перрону, с видимым интересом разглядывая незнакомый вокзал.

– Пальнули не в уточку, а белочку, – сказал Эфенбах, оказавшись рядом.

– Странная ошибка, – согласился Пушкин.

– Говоришь, коммерсант... Говоришь, сделку заключать, ну-ну...

Ничего такого Пушкин за месье Жано не переводил. Свое же мнение на этот счет держал при себе.

– Не нравится мне этот щегол мелкоростый, – Михаил Аркадьевич выразительно шмыгнул носом.

Он решил отправить за французом Актаева немного пофилерить. Пусть гость будет под негласным присмотром. Сам же начальник сыска готовился к неизбежным последствиям. Таких обид обер-полицмейстер не привык сносить. Значит, достанется всем. На фоне того, что ожидалось, Эфенбах, не задумываясь, разрешил Пушкину заняться делом живой и мертвой вдовы. Или наоборот: мертвой и живой.

• 10 •

Большинство московских контор страховых обществ располагалось на Большой Лубянке. Будто страхась потерять капиталы, жались друг к дружке. «Стабильность» находилась вдалеке, на Новинском бульваре. Особняк, который занимало страховое общество, был построен вскоре после наполеоновского пожара и с тех пор не сильно изменился. Меньше всего здание походило на контору, скорее на обветшавшее дворянское гнездо. Желающих застраховать свою жизнь в веселые дни Масленицы было немного. Из приемных столов только за одним сидела посетительница, печально опустив голову и вытирая слезы. Мысли о смерти и бренности бытия посещают каждого, кто вздумал застраховать свою жизнь.

Моложавый клерк приятного вида подошел к посетителю, выразил удовольствие визиту в их страховое общество и спросил, что господин желает застраховать: жизнь, недвижимое имущество или склады товара. Ни того, ни другого, ни третьего посетитель не желал. А хотел видеть сразу господина управляющего. Тут месье Казачков выразил сожаление: управляющий принимает только по самым важным вопросам. Такой ли важности вопрос у господина посетителя? Но как только узнал, что к ним прибыла сысчная полиция, сразу исчез и быстро вернулся, приглашая следовать за собой.

Управляющий был довольно молодым, если не сказать, слишком молодым, для такой должности. При этом Кирилл Макарович Алабьев, как он представился, казался немного робким, стеснительным, с усталыми печальными глазами. Его окладистая бородка выглядела приклеенной. Молодой человек хотел производить солидное впечатление, как отец. Выходило не слишком убедительно. Наверняка скопировал отцовскую растительность на лице.

– Чем можем быть полезны уважаемой сысской полиции? – спросил он, приглашая гостя в кожаные кресла перед массивным столом.

Пушкин не стал доставать из кармана показания вдовы Ферапонтовой, а изложил в общих чертах жалобу. Кирилл Макарович выслушал с полнейшим спокойствием.

– И что прикажете нам делать? – спросил он.

– Вам не кажется странным, что пожилая дама обнаруживает себя умершей? Наверняка кому-то выплачены деньги за ее мнимую смерть, – ответил Пушкин.

Он уже успел осмотреть помещение. Кроме массивного сейфа и обязательных портретов царствующей семьи, этажерки со Сводом законов и чайного столика, в кабинете не нашлось следов роскоши. Или страховое дело требует некоторой сдержанности, чтобы не распугать клиентов, или владелец отличается скупостью. Сам же хозяин кабинета отличался похвальной скромностью в одежде, впрочем, из модных московских магазинов на Кузнецком Мосту, и курительной трубкой в нагрудном кармане. Других модных игрушек или бриллиантовых безделушек заметно не было.

– Прошу простить, но эта почтенная дама не показалась вам немного... странной? – помедлив, ответил Кирилл Макарович.

Пушкин видел только жалобу.

– Личные качества несущественны. Важно, что ваша фирма признала ее мертвой, – сказал он. – На каком основании?

– Мы печемся о каждом клиенте. Наш девиз: «Ваше спокойствие – наша забота».

– На каком основании живой человек был признан мертвым?

Управляющий источал любезность, как пчелы мед.

– Такое возможно только на основании свидетельства о смерти...

- Позвольте ознакомиться с этим документом.

Кирилл Макарович улыбнулся мирно и печально.

- Если госпожа Ферапонтова изволит подать на нас в суд, мы непременно предоставим требуемое, - сказал он.

Отказ мягкий, но совершенно законный. У Пушкина не было никаких оснований требовать страховое дело, защищенное коммерческой тайной. На этом можно было закончить приятную беседу. Но Пушкин не спешил.

- Позвольте узнать: часто у вас случаются подобные казусы?

- Мы строго следим за тем, чтобы документы были верными. Ошибок не допускаем. Каждая ошибка - наш убыток.

- Тогда мадам Ферапонтова ошиблась?

Господин управляющий поправил галстук, который идеально держал воротничок.

- Скажу откровенно, господин Пушкин... Я всего лишь замещаю батюшку на время его отсутствия, у меня недостаточно опыта в страховом деле. Но мне отлично известно, какое количество ловких людей пытаются нажиться за счет страхования. Вот вам самый верный ответ, что такое мадам Ферапонтова. Изумительная женщина в своем роде...

Оставалось сожалеть, что Пушкин не имел счастья наблюдать изумительную женщину лично.

- Не знаком с уловками в страховом деле, - сказал он. - Опишите, какой обман она задумала.

Вопрос не привел в замешательство молодого управляющего.

- Их множество. Ну вот, например. У нее есть сестра, которая оформила у нас подлинную страховку. Сестра умирает, страховка оформлена на другое лицо, но

госпожу Ферাপонтову это не останавливает, она хочет нажиться на смерти родственницы. Приходит к нам, требует оформить страховой договор, думая, что еще неизвестно о смерти страхователя. Если мы оформляем страховку, через несколько дней она является как выгодоприобретатель, который требует страховую премию по факту смерти. Знаете, на каком основании она может получить деньги?

- Не могу предположить, - сказал Пушкин, чтобы не портить удовольствие Кириллу Макаровичу.

- Страховой договор будет оформлен на нее, Ферাপонтову, - победно заявил он. - А при заключении страховки она выдавала бы себя за уже умершую сестру.

- Для этого они должны быть одного возраста и внешности.

- А кто вам сказал, что это не так?

Мысль была вполне резонной. Пушкин согласился.

- В пользу кого госпожа Ферапонтова хотела оформить страховую выплату?

- Как только наш агент проверил, что страховая премия назначена к выплате на этой неделе и мы не будем заключать с ней страховой договор, мадам устроила безобразный скандал с криками и угрозами. До сих пор тяжело вспомнить, - Кирилла Макаровича натурально передернуло. Такие сильные воспоминания оставила безутешная вдова.

Можно было только посочувствовать. Что Пушкин и сделал.

- Последняя просьба, господин Алабьев, - продолжил он. - Могу я с вашего позволения поговорить с клерком...

- ...страховым агентом, - поправили его. - У нас принято говорить так.

- Со страховым агентом, - согласился Пушкин, думая, что в полиции тоже водятся агенты, - который заключал договор с настоящей Ферапонтовой. Обещаю не задавать вопросы, на которые он не будет иметь права отвечать. Да

хоть в вашем присутствии...

– С большим удовольствием...

Кирилл Макарович позвонил в колокольчик. В этот раз вошел страховой агент Малецкий, тоже цветущего вида. Его попросили пригласить страхового агента Лазарева. Страховой агент Малецкий замялся и смущенно доложил, что коллега с самого утра был, но отпросился у коллег. Сами понимаете: Масленица, посетителей немного. Но завтра будет непременно. А прочие страховые агенты на месте. Они могут чем-то помочь?

Прочие не могли. Пушкин стал прощаться.

– Всегда рады видеть вас, – сказал управляющий, пожимая на прощание руку. Ладонь его была мягкой и гладкой. Пушкин обещал воспользоваться приглашением. Непременно. В ближайшие дни...

Выходя из особняка, в дверях он посторонился, пропуская мастерового. По виду – из слесарной мастерской, с деревянным ящиком, полным инструментами. Страховой полис так популярен, что и рабочий класс к нему тянется. Того и гляди, вот-вот наступит эра всеобщего процветания. Пока же пролетарий из слесарной задел чиновника сыска плечом и обдал запахом, в котором машинное масло густо смешалось с перегаром.

Хорошо, что Пушкин не признавал классовых различий.

• 11 •

Ехать в санях месье Жано счел излишней экзотикой. Он указал носильщику на пролетку и проследил, как извозчик затягивает веревкой его чемоданы, чтобы ничего не потерялось по дороге. После чего запрыгнул на пассажирский диванчик. Русский мороз не смущал, а бодрил предвкушением. Пропущенная на перроне стопка согревала. Жано ценил мудрость русской традиции.

Забравшись на козлы, извозчик обернулся.

– Силь ву пле... Экселент хотел... «Националь»... «Дюссо»... «Метрополь»... Бон шанс... Силь ву пле, месье, – называл он самые дорогие гостиницы, в которых ему платили по двугривенному за каждого доставленного гостя, и добавил с улыбкой: – Выбирай, не томи, харя басурманская...

Заграничный гость не должен был понимать по-русски. Маленькая дерзость для извозчика была особым развлечением.

– Есшай в «Билло», лубесни мой, – ответил француз.

Улыбка слетела с усов извозчика. Пассажир оказался не так прост. Такого не повезешь через пол-Москвы, набивая цену. Чего доброго городского кликнет...

Извозчик наметил самую короткую дорогу на Большую Лубянку: мимо Триумфальных ворот на Большую Тверскую-Ямскую улицу, с нее на Тверскую, а оттуда по Никольской. Почти по прямой...

Москва предстала месье Жано такой, какой он себе представлял по многочисленным рассказам русских туристов. Огромный, сумбурный, тесный, суетливый, спешащий, ленивый, добродушный, хитрый, занесенный снегом, морозный, но очень домашний город. Пролетая мимо затейливых фасадов Тверской, а потом заехав по краю на Красную площадь, кишевшую народом и торговыми лотками, Жано подумал, что этот город не терпит равнодушия: в него надо влюбиться или презирать. Он еще не решил, какие чувства увезет с собой. Зависит от того, чем закончится его авантюра.

В «Билло», гостинице удобной, но рассчитанной на гостей средней руки, иностранцы в ней редко останавливались, месье Жано попросил самый скромный номер. Когда мальчик-носильщик оставил чемоданы, первым делом вынул подробную карту Москвы с путеводителем, изданную в Париже, и стал изучать. Город напоминал паутину, которая раскинулась по обе стороны извиляющейся реки. Множество переулков, проездов и вообще безымянных улочек путало. Месье Жано еще дома подробно изучил и запомнил карту. Оставалось привязать печатные линии и круги к настоящим улицам и площадям.

Он взглянул на карманные часы. До намеченной встречи было чуть больше двух часов. Как раз достаточно, чтобы прогуляться по окрестностям. Не меняя дорожный костюм, месье Жано вышел на улицу и не спеша пошел обратно по

тому маршруту, которым вез извозчик.

По Большой Лубянке спустился на Лубянскую площадь, обойдя со стороны Софийки и Театрального проезда, вышел на Никольскую, которая привела его на Красную площадь. Углубляться в толпу месье Жано не стал, а свернул в Иверские ворота и оказался на Воскресенской площади. Перейдя ее, вышел на Тверскую. Гуляя по главной улице Москвы, как сообщал путеводитель, месье Жано тщательно рассматривал витрины и даже заходил в некоторые магазины. Не столько ознакомиться с местным товаром, сколько оглядеть из магазина улицу. По привычке он проверял, нет ли слежки.

Обнаружить кого-то, кто упорно следовал за ним, Жано не смог. Что-что, а филерить Актаев умел. Держался на правильном расстоянии, не упуская объект и не выдавая себя. Даже когда месье Жано резко перебежал на другую сторону Тверской, не потерял его. Потому что заранее был на той стороне.

• 12 •

Большой Ново-Песочный переулок ютился в дальнем углу Пресненской части, зажатым между Новинским и Проточным переулками, самым краешком упираясь в набережную Москвы-реки. Дом вдовы Ферапонтовой представлял собой двухэтажную постройку неизвестной архитектуры. Как будто сложенный из того, что было. В переулок выходили два ряда окон, вход со двора.

Пушкин прошел через проем ворот, которых не было, и оказался во внутреннем садике. Нижнее крыльцо вело в квартиру первого этажа. Лесенка на второй заканчивалась деревянным крылечком. Соседи жили вместе, но со своим входом. Чиновник сыска не поленился бы постучать в обе двери, но неподалеку дворник тыкал в снег лопатой. Наведение порядка обер-полицмейстером обошло стороной мирный уголок. Потому дворник утопал в холмах, наваливших за зиму.

На зов пришлого господина дворник откликнулся с охотой. Подошел, оперся о лопату и дружелюбно кивнул. Форменный фартук беленого холста обрел цвет сырого асфальта и, видимо, не стирался никогда. Что Охрушева ничуть не смущало.

– Доброго денечка, господин хороший, – сказал он, являя редкое среди дворников дружелюбие к незнакомцам.

– Мое почтение, – ответил Пушкин, не желая сразу пугать полицейским чином. – Где мадам Ферапонтова проживает?

Дворник как-то сразу погрузнел.

– Как сказать: проживает...

– Так и скажи: первый этаж или второй.

– Уже нигде не проживает, – с тяжким вздохом сообщил Охрушев.

– Когда уехала?

– Как посмотреть... Переехала в полицейский дом Пресненского участка... Такая беда.

– Арестована? – спросил Пушкин, что было самым логичным, но невероятным.

– А вы ей, господин, кем будете?

Чтобы закончить словоблудие, Пушкин назвал сыскную полицию. Чем привел Охрушева в некоторую строгость. Дворник даже лопату стал держать, как ружье.

– Вот, значит, как... Уже и до сыскной докатилось... Что делается...

– Прошу отвечать, что с Ферапонтовой.

Дело оказалось наипростейшим: умерла вдова. То есть окончательно...

– Как нашли тело? – спросил Пушкин, уже думая, что планы придется изменить: надо заглянуть в полицейский дом Пресненской части.

- Так и нашли... Поутру вышел снег мести, а она лежит, бедная...

- Где лежит?

Черенком лопаты Охрушев указал под лесенку:

- Вот там и лежала, горемычная... Вышла подышать воздухом на крылечко, поскользнулась, упала - и поминай, как звали... Так я сразу Ревунова кликнул, городского нашего, у него пост за воротами... Осмотрел ее, говорит, померла давно, меня оставил сторожить, сам карету санитарную побежал вызывать...

- Пристав был? Осмотр проведен?

- Чего осматривать, - удивился Охрушев. - Несчастный случай, одним словом... Зимой чего не случается... Его благородие сам не поехал, помощника своего Татарина прислал... Тот протокол составил, как полагается... Квартиру опечатал... Такие вот обстоятельства...

Пушкин подошел к лестнице.

- Покажи, где точно находилось тело.

Дворник вновь использовал рукоять лопаты в качестве указки.

- Тут она, сердешная, лежала...

Пятачок около лестницы был плотно утопан. Ничего разобрать невозможно. Судя по еле заметному уцелевшему бугорку снега, Ферапонтова не скатилась по ступенькам, а упала через перила. Пока следы не затоптали окончательно, еще можно было бы установить. Теперь - только предполагать.

- Как лежала вдова?

Охрушев сначала не понял, что от него хотят, но потом не поленился и лег в снег, картинно раскинув руки и ноги. Поза мало походила на ту, в какой обычно лежит упавшее с высоты тело. Обильная фантазия, как обычно, мешала фактам. Очень важным фактам.

– Ферапонтова была присыпана снегом? – спросил Пушкин, прикидывая, когда закончился вчерашний мягкий снегопад.

– Вот уж не припомню, – ответил дворник, вставая и отряхиваясь. – Лежала себе и лежала... Может, и под снегом...

– У Ферапонтовой была сестра?

– Никогда не слыхивал... Сколько помню, мадам в одиночестве дни коротала... Ни знакомых, ни друзей... Гости не навевались. И никому не открывала. Только через дверь крикнет, чтоб уходили... С соседями бранилась по любым пустякам, всем недовольна. На праздник от нее и рубля не дождешься... Характер такой, что только держись... Одним словом, исключительная женщина...

– Вчера к ней кто-нибудь приходил? Посторонний во дворе навевался?

Дворник только руками развел:

– Да разве ж я собака цепная, чтоб за всем следить? Как стемнело, пошел к себе в сторожку греться... Мороз-то какой, шутка ли... Так какие теперь приказания будут, ваш бродь?

Приказания, какие нужно было отдать, сильно запоздали. Оставалось надеяться, что тело вдовы еще в полицейском доме. А не отправлено в мертвецкую Долгоруковской больницы на Собачьей площади. В больнице затребуют разрешение на осмотр, скучная волокита.

• 13 •

Баронесса купалась в радушии. Стоило войти в приемный зал страхового общества, как ее узнали. Каждый агент поспешил выразить свое почтение. Ручку ее, освобожденную от меховой варежки, теплую, мягкую и пахнущую духами, передавали, как переходящий приз. Она не мешала стараниям молодых мужчин и не поощряла их. Как обычно, мужчины все делали сами. Независимо от возраста. Потому что мужчина, независимо от возраста и богатства, совершает

одни и те же глупости перед женщиной, которая умеет им управлять. Как удав управляет кроликом, прежде чем съесть.

Поедать невинных бедных овечек, которые сами мечтали быть съеденными, Агата не собиралась. Добыча была бы слишком легкой, недостойной ее мастерства. Да и свой боевой меч, кованный из ума и красоты, она вложила в ножны. Навсегда. Так, изредка вынимала и баловалась им, чтобы не затупился окончательно. В «Стабильность» она явилась совсем не за тем...

Баронессе оставалось только чуть-чуть, еле заметными движениями держать разгоряченных мужчин на дистанции. Когда комплименты стали повторяться и страховые агенты уже не знали, как вылезти из шкуры вон, чтобы порадовать даму, она попросила провести к Кириллу Макаровичу. Сгоряча вызвались провожать толпой, но Малецкий и Козачков уняли коллег и проводили баронессу почетным эскортом.

Господин управляющий обрадовался визиту баронессы ничуть не меньше. А куда больше. Что давало надежду на успех. Изгнав агентов, которые не хотели уходить, Кирилл Макарович стал хлопотать вокруг дорогой гостью.

Она позволила делать с ней все, что ему хотелось. Позволила, чтобы Кирилл Макарович притронулся губами к ее руке чуть дольше, чем позволяли приличия. Позволила, чтобы лично снял полушубок, и даже позволила усадить в самое удобное кресло. А вот от угощений (коньяк, чай, ликер, шоколад) отказалась. При всем старании произвести впечатление гостеприимного хозяина Кирилл Макарович был неловок и смущен. Что не ускользнуло от Агаты. Он уже полностью был в ее власти, запутавшись в невидимой сети. Только не знал об этом. Оставалось дергать за ниточки.

– Как жаль, что вы вчера так рано ушли, – сказал Кирилл Макарович, садясь на краешек кресла напротив нее. – Мне было чрезвычайно приятно побеседовать с вами.

– Но вот, я в вашей власти, – сказала Агата интонацией, от которой теряли голову куда более крепкие орешки. За исключением одного...

– Это так приятно... Чем бы я мог вам помочь?

– Исполните мой каприз...

– Любой, баронесса, что пожелаете...

– Скажите, это правда, что страховые общества не слишком охотно подписывают договора страхования жизни с женщинами?

Вопрос вогнал Кирилла Макаровича в краску.

– Можете не сомневаться: в нашем обществе вы не найдете препятствий, если только выразите желание, – говорил он, ерзая в кресле.

Агата подбодрила улыбкой.

– Раскройте тайну... В чем тут хитрость?

– Никакой хитрости, баронесса, только статистика и расчет...

Кажется, Кирилл Макарович не собирался раскрывать детали. Агате пришлось настоять на своем желании. Тайна страхового дела оказалась удивительно проста.

В 1693 году астроном Галлей составил таблицы смертности, которые легли в основу всего страхования. Чуть раньше, в середине XVII века, математики Паскаль и Ферма заложили основы теории вероятности. Которую используют и в азартных играх (особенно карточных), и в страховании.

С 1827 года, когда в Германии было основано первое страховое общество, ежегодно копилась статистика. Через сорок лет наблюдений страховщики точно установили для мужчин возраст, когда повышается или понижается вероятность естественной смерти. Так, в возрасты с наибольшим риском смерти входят группы мужчин 20 и 21 года, от 35 лет и старше. Наилучший для страховщиков возраст мужчины, при котором математически велик шанс длительного дожития: от 22 до 34 лет.

– Оценивая мужчину для будущей страховки, страховщик руководствуется не только его физическим здоровьем, отсутствием болезней, но и законом

вымирания каждой возрастной группы, – закончил Кирилл Макарович и стыдливо отвел глаза.

Агата как чувствовала, что существует неписанный закон человеческой жизни, который не зависит от воли живущего. Впервые ей зримо показали: ты можешь питать иллюзии сколько угодно, но страховщик знает, что в каждом возрасте человек подчиняется закону вымирания. И в каждом возрасте умрет точный процент. И не менее точный – не умрет. А принесет прибыль страховщику. Закон вымирания незыблем, как математика. Плюс-минус чья-то жизнь, быть может – ее, принимается математическим допущением.

От этих мыслей по телу пробежал озноб. Агате захотелось глотнуть обжигающего коньяку.

– Простите, я напугал вас, – с сожалением сказал Кирилл Макарович.

– Ничуть, чрезвычайно интересно, – через силу ответила она. – Так что же дальше?

– Страховой агент перед заключением договора оценивает сумму факторов и делает вывод: к какому типу риска относится страхователь.

– А какие бывают?

– Всего лишь два типа: выгодный риск и невыгодный риск. В первом случае страхователь живет дольше, чем заключен договор его страхования жизни, платит взносы и приносит обществу доход. Во втором случае страхователь, скорее всего, умрет до окончания договора, и общество понесет убытки. Нехитрая арифметика...

– Выгодный риск, – повторила Агата. Выражение понравилось. Вся ее жизнь до недавних пор была выгодным риском. Очень выгодным для нее и разорительным для богатых мужчин... Знать об этом скромному страховщику не полагалось. – Но позвольте, вы говорите о мужчинах. А как же страхование женщин? Разве женщины не живут дольше? Разве их не выгодно страховать?

Кирилл Макарович окончательно смутился.

– Вы правы... Статистически женщины живут чуть дольше. Но... Во-первых, врачебный осмотр женщины перед страхованием – дело столь деликатное, что тут... При таком осмотре врач не имеет права и не может... Г-хэм... Некоторые виды осмотра затруднительны и невозможны... Г-хэм... Но существует главный фактор, особенно в возрасте до тридцати лет, который делает страхование молодых женщин крайне рискованным...

– Рождение детей, – сказала Агата, чем заставила Кирилла Макаровича кашлять и вытирать платком пот со лба. – Теперь мне понятно... Когда ты молода – можешь умереть при родах... Ты можешь умереть при вторых или третьих родах. Все равно женщины для вас – невыгодный риск... Как это мило...

– Простите, баронесса, – чуть слышно выдавил Кирилл Макарович и встрепенулся. – Для вас сделаем исключение... Никаких медицинских осмотров и самые выгодные условия... Сделаем все возможное...

Агата благосклонно кивнула:

– Благодарю, я подумаю... Позвольте задать вам вопрос...

– Все, что изволите! – с жаром откликнулся Кирилл Макарович.

– Насколько у вас доверительные отношения с сестрой?

– С Лерой? Мы всегда были большими друзьями.

– Смерть матери вас сблизила?

Господин Алабьев немного изменил позу, глубже сев в кресле.

– Полина Андреевна меня воспитала, но она не моя мать... Вы правы, это ужасное происшествие нас сблизило...

– Валерия не делилась с вами некоторыми планами?..

– Какими планами? – в интонации Кирилла Макаровича скользнула осторожность.

– Что-то вроде глупой шутки или... Устроить неприятную ситуацию, – Агата старательно подбирала слова.

– Шутка? Неловкая ситуация? – он задумался. – Нет, ничего такого... А против кого она стала бы шутить?

Говорить напрямик Агате категорически не хотелось.

– Против кого-то из вашей семьи... Например, против вашей мачехи... Или отца...

Кирилл Макарович усмехнулся.

– Вы видели моего отца?

Агата утвердительно кивнула.

– Познакомились с ним в Ницце?

– Нет, лично мы не представлены... Несколько раз видела издали. Но запомнила. На прогулке Валерия указывала на него...

– Как полагаете, можно с ним шутить?

Она предпочла уйти от ответа:

– Валерия не питает добрых чувств к вашей новой мачехе?

– Ну что вы... – Кирилл Макарович даже улыбнулся. – Лидия Павловна невинное и наивное существо... Она никому не может причинить вреда... Как жаль, что вы близко не познакомились с отцом... Вы бы ему понравились...

Комплимент Агата приняла как должное.

– Ваш отец – интересный мужчина. Раз увидев, его трудно забыть, – сказала она, невольно вспоминая, как Алабьев замахнулся стулом на дочь за испорченную

кофе сорочку. Тогда официант повис у него на руке.

– Совершенно с вами согласен, – Кирилл Макарович встал, одернув пиджак. – Баронесса, прошу в зал для составления договора. В чью пользу изволите заключить страхование?

Мысль пришла сама собой, как озарение. И настолько понравилась, что Агата тут же назвала того, кто получит большую премию в случае ее смерти. Чего она, конечно же, не допустит. Несмотря на дурацкие законы вымирания. Она – Агата Керн, ну или баронесса фон Шталь, – самый выгодный риск для страхового общества «Стабильность». Пусть не сомневаются.

• 14 •

Полицейский дом Пресненской части возвышался на небольшом холме в особом окружении. По правую руку от него располагался Зоологический сад. По левую – Вдовый дом. А сзади, можно сказать с тыла, наступал Московский университет. Между зверями, вдовами и студентами полицейским жилось спокойно. Само здание представляло собой серый сундук – казенного вида, ничем не примечательное, как и прочие полицейские дома Москвы.

По праву знакомства с приставом Пушкин прошел в его кабинет без предупреждения. Визиту сыскной полиции Носков не обрадовался, но и не встревожился. Поводов для беспокойства на его участке не имелось. Тем более пристав считал Пушкина довольно толковым и разумным чиновником, который не будет попусту гонять полицию. Он поздоровался приветливо, предложил чаю, водки и даже блинов с закусками, по причине Масленицы их напекли в буфете участка. Пушкин заставил себя отказаться от блинов и спросил про тело Ферапонтовой.

Пристав не сразу понял, о ком речь. Пушкин напомнил, что сегодня утром его помощник подпоручик Татаринцов в Большом Ново-Песковском переулке осматривал тело пожилой дамы...

– Ах, это, – сказал Носков с таким выражением, будто речь шла о совершенном пустяке. – Да, верно, не будет теперь Баба-Турок участок мучить.

– Она вам знакома? – спросил Пушкин, понимая, что пристав мог забыть фамилию погибшей, помня ее по кличке.

– Знакома?! – Носков издал презрительный смешок. – Да она была костью в горле, занозой в пальце, хуже диких пчел и бешеных собак. Не было от нее покоя, прохода не давала. Чуть не каждый день с жалобами являлась. То ей городской честь не отдал, то на нее снег с крыши упал, то двор не чисто метен, то соседи бомбы делают. А последний раз совсем из ума выжила: дескать, в страховом обществе назвали ее мертвой и договор отказались заключать. Требовала, чтобы их в тюрьму посадили... Одним словом, Баба-Турок, хуже не бывает...

– Что она говорила про страховку? – аккуратно спросил Пушкин.

Пристав только рукой махнул:

– Да чушь несла! Якобы сказали, что уже умерла и не может заключать договор страхования... Чего только не выдумывала, старая карга... Все, закончилась песенка... Больше не будет своими бреднями донимать. Распоряжусь по такому случаю выдать городским по стопке из казенных запасов.

Вероятно, настоящую смерть вдовы Ферапонтовой участок отметит маленьким праздником. Расследовать несчастный случай точно никто не станет.

– У нее были родственники, сестра?

– Может, и были, да только со всеми переругалась. Еще лет двадцать назад. Жила одна как перст... И главное, здоровье такое, что ничего ее не берет. Еще бы нас всех пережила. Такая несказанная удача, что грохнулась с лестницы, – сказал с чувством пристав и тут сообразил, что сболтнул много лишнего. – Позвольте, а вам-то что за дело?

– Вчера Ферапонтова подала жалобу на страховое общество, в котором ее действительно назвали мертвой. То есть умершей по документам, – ответил Пушкин.

Носков одобрительно покачал головой:

- И до вас уже добралась, холера...

- Михаил Николаевич, вам не кажется странным, что страховое общество «Стабильность», с хорошей репутацией, не замеченное в аферах, считает даму умершей, имея документы о смерти Ферапонтовой, а на следующий день вдова действительно умирает. От несчастного случая.

Смысл вопроса раскрылся перед приставом настолько ясно, что подпортил настроение.

- На что намекаете? - со строгостью в голосе спросил он.

- Не хватает фактов, чтоб делать выводы. Ситуация представляется довольно странной. Вы не находите?

- Не понимаю, что вы хотите найти, господин Пушкин.

- Татаринов проводил осмотр тела?

- Так точно.

- Составил протокол?

Дотянувшись до письменного стола, пристав подхватил тонкую папку и положил перед Пушкиным.

- Вот, извольте...

Дело о несчастном случае с вдовой Ферапонтовой состояло из двух листиков осмотра места происшествия. Заключение доктора еще не было. Пушкин прочел быстро.

- Здесь сказано: в квартире вдовы было жарко натоплено, свечи догорали...

- Значит, так и было, - сказал Носков, забирая папку. - Татаринов выдумывать не умеет.

Пушкин поднялся.

– Могу я взглянуть на тело?

Выбора у пристава не осталось. Скрепя сердце он пригласил Пушкина в мертвецкую.

Не самое приятное помещение участка находилось в отдельном домике. Носков приказал участковому доктору Воздвиженскому отпереть амбарный замок на дверях, такой большой, будто покойники могли разбежаться, и показать тело, привезенное утром.

Доктор зажег керосиновую лампу под жестяным абажуром и откинул простыню, прикрывавшую тело. Он еще не успел провести осмотр Ферапонтовой, вдова помещалась на прозекторском столе как главный гость, а не переехала на стеллажи для хранения. Которые тоже не пустовали.

– В этом ее нашли? – спросил Пушкин.

– Можете быть уверены: Татаринов старуху не переодевал...

Шутка пристава относилась к пеньюару, в котором была вдова. Легкий и обширный, еще старинной моды, он окутывал тело саваном. Сквозь прозрачную материю белело старческое тело. Зрелище настолько мерзкое, что хотелось отвернуться. Чего Пушкин не мог себе позволить, начав осмотр с белесых пяток.

– Доктор, что скажете? – спросил он, приблизившись к голове старухи.

Воздвиженский переглянулся с приставом: дескать, чудит сыск. Ему дали знак, что чем быстрее ответит, тем скорее отвяжется.

– Причина смерти очевидна: сломанная шея. Как бывает при падении с высоты.

– Будете делать вскрытие?

– Зачем? – искренне удивился доктор.

- Для обнаружения ядов или чего-то подобного...

- У меня химической лаборатории, чтобы яды обнаруживать, не имеется... Тут вам не сказочный замок криминалистики великого петербургского Лебедева, а мертвецкая рядового полицейского участка Москвы. Надеюсь, вам ясно?

Было ясно, что от вдовы, даже мертвой, хотят отделаться как можно скорее. Винить за это нельзя. Слишком много покойная выпила крови, чтобы после смерти кто-то хотел задавать лишние вопросы. Умерла - и с глаз долой.

Пушкин заглянул в лицо старухи. Глаза ей не закрыли. Она смотрела зло и удивленно, раззявив рот. Как будто не могла доругаться.

- Доктор, взгляните, что это? - Пушкин указал на шею чуть выше трахеи, где виднелся крохотный пупырышек.

Как ни не хотел Воздвиженский, но все-таки наклонился.

- Прыщик. Или бородавка...

- Черного цвета?

- Вы еще не видели, какие бывают бородавки...

- Могу я попросить хирургический пинцет?

Просьба была столь неожиданной, что пристав не выдержал:

- Господин Пушкин, собираетесь сами проводить вскрытие?

- Проверить гипотезу. Могу я рассчитывать на пинцет?

Чтобы насладиться позором дилетанта, Воздвиженский не поленился сбегать к себе в медицинскую. Он вручил чиновнику сыска большой и неудобный хирургический пинцет с особым предвкушением.

Не снимая перчаток, Пушкин пристроил пинцет в руке, подвел стальные концы к бородавке, сжал и дернул. Из тела мягко выползла игла. Тонкая, немного длиннее вершка[9 - Вершок = 4, 444 см.]. Не выпуская зажим, Пушкин подставил ее под свет керосиновой лампы.

- Это что же такое? - спросил Носков, забыв, что минуту назад больше ничего не хотел знать об этом деле.

- Булавка, - ответил Пушкин и развернул ее к Воздвиженскому. - С точки зрения анатомии такое попадание в шею может привести к смерти?

Доктор пребывал как раз в таком состоянии, которое готовил для чиновника сыска.

- Ну, область трахеи... Колотая рана... Иностранное тело... Задета сонная артерия... Или яремная вена... Или ствол блуждающего нерва... Кто-то из них задет, надо смотреть... Возможно, паралич голосовых связок, тахикардия и тахипноэ... Кровотечение не наружное, а в окружающие ткани с образованием гематом... Дыхание сильно затруднено...

- Скажите определенно: ранение смертельное?

- Не слишком... Она могла выжить... То есть если оказать своевременную медицинскую помощь... Не ножом по горлу ударили все-таки... Да и от ножа не сразу умирают...

- При этом вдова задыхалась...

- Медленно... Вероятно, наступила паника...

- Не побежала в дом, а упала через перила...

- В таком состоянии потеря ориентации, равновесия... Возможно...

- Но маловероятно.

Пушкин протянул пинцет с булавочкой.

– Господин Воздвиженский, прошу занести в протокол осмотра тела и определить, где именно применяется эта булавка...

Доктор покорно принял неприятную находку.

– Михаил Николаевич, дело о несчастном случае надо перевести в разряд преднамеренных убийств.

Такая перспектива пристава совсем не обрадовала.

– Может, старуха сама... Шила и укололась... Выбежала на крыльцо за помощью и свежим воздухом, тут и свалилась... Лед же...

– Хотите занести эту гипотезу в протокол?

Больше всего пристав хотел закрыть дело, которое было уже раскрыто утром. Если бы сыск не сунулся. Хотел бы, но теперь об этом можно забыть. И как прикажете искать того, кто ткнул старуху булавкой? Глупость какая-то... Эти мысли Носков оставил при себе. Пушкину он обещал, что в протокол попадут только факты. Подтвержденные медицинским заключением.

– Не могу поверить, что старуху кто-то прикончил, – добавил пристав. – Она, конечно, была редкой мерзости ведьма, но чтобы жизни лишить... Кто же так обиделся...

– Татаринوف делал осмотр. В доме что-то пропало?

– Да как узнаешь, она же никого к себе не пускала...

– То есть подпоручик Татаринوف не проверил, на месте шкатулка с ценностями или наличные?

Упрек был слишком очевидным, чтоб приставу было чем парировать. На его счастье, дверь мертвецкой распахнулась, пропуская санитаров с носилками. Двое крепких мужиков сгибались под тяжестью. От порыва ветра простыня соскользнула, раскрывая мертвого господина, покрытого коркой льда.

– Это что такое? – спросил Пушкин, разглядывая тело.

Пристав готов был обрушить громы и молнии на головы санитаров, которые умудрились объявиться в самый неудобный момент.

– Пьяный господин заснул в снегу, артельщики-ледорубы наткнулись на него, обобрали и хотели утопить в проруби... Городовой вовремя заметил. Артельщики арестованы и дают показания...

Пушкин подумал, что, если найдет на трупе что-то лишнее, пристав, чего доброго, запрет его в мертвецкой. Хотя ему хотелось заглянуть в кармашек жилетки неизвестного господина, из которого торчал кусочек чего-то. Чиновник сыска не стал испытывать удачу и терпение пристава Носкова. Если артельщики дают показания, значит, дело не стоит внимания.

Смерть вдовы Ферапонтовой сейчас куда важнее.

• 15 •

Трактир «Сан-Стефано» на Тверском бульваре, который держал Степан Иванович Дуринов, имел отличную кухню, бойких половых, но не имел такой славы, как трактир Тестова на Театральной площади. Зато порядки у Дуринова были куда демократичней: сюда можно было прийти с дамой. Если уж решился привести мадам, то желательно занимать стол подальше, в углу, где темнее, чтобы не мучиться от осуждающих взглядов гостей. Что с них взять: не понимают темные московские купцы, что женщинам в трактире допустимо появляться, чтобы шей да блинов поест. А не только в кофейных и кондитерских, угощаясь «кофеями», «какавами» да нерусскими шоколадами.

Заняв столик заранее, месье Жано тоже не понимал некоторых особенностей. Но не понимал по-своему. Привыкнув к порядкам французских заведений, он наблюдал совершенно другой уклад. Огромный механический органчик наигрывал мелодии Вагнера, правда сам покойный автор узнал бы их с трудом. По залу сновали половые с гигантскими подносами, на которых возвышались пузатые чайники, ряды стаканов и чашек. Другие несли из кухни блюда, над которыми колыхались башни блинов.

Месье Жано наблюдал, как за столом, за которым собрались мужчины с огромными бородами, в длинных, до полу, кафтанах, происходило нечто похожее на дуэль. Сидя друг напротив друга, двое купцов ели блины... Жано понял, что они соревнуются, в кого больше влезет. Сколько съели участники поединка, он не знал, можно предположить, что проигравший, повалившись под стол, съел до этого не менее тридцати блинов... Чудовищная порция, которой можно накормить десяток французских крестьян...

Засмотревшись на варварское зрелище, месье Жано не заметил, как за столом появился гость.

– Месье Жано? Я не ошибся? – спросил он, хотя других иностранцев в трактире не было. – Прошу вас, не вставайте и не кланяйтесь, чтобы не привлекать внимания...

Это был молодой мужчина, не старше двадцати пяти лет, с аккуратными усами и окладистой бородкой, не идущей его лицу. На худощавой фигуре добротный костюм сидел немного мешковато. В отличие от других посетителей трактира, он не снял шляпу. На европейский манер. Незнакомца Жано изучил, насколько позволял полутемный угол, в котором ему приказали занять стол.

– Мы с вами знакомы, месье? – спросил он, стараясь вспомнить лицо. На память ничего не приходило.

– Я знаю вас. Этого достаточно...

По-французски молодой человек говорил бегло и чисто, как поживший во Франции. Месье Жано дружелюбно развел руками:

– Вы написали, и вот я к вашим услугам... Как ни безумно это покажется...

– Благодарю... Не пожалеете, что приехали в Россию...

– Приятно слышать, месье... – Жано показал, что хочет знать, как обращаться к знакомцу. Хотя в письмах имя было.

– Лазарев, – ответили ему.

– Очень приятно, месье Лазарев...

Полового, который подбежал, чтобы принять заказ, Лазарев попросил обождать. И сказал что-то еще, чего Жано не смог разобрать. Слишком быстрая русская речь.

– С чего начнем? – спросил он.

– Сейчас Масленица, рекомендую блины, – сказал Лазарев. – Но прежде дело.

– Приятно встретить такой подход.

– Информация, которую сообщил в корреспонденции, нашла подтверждение?

Жано кивнул:

– Иначе меня бы здесь не было.

– Да, конечно, глупый вопрос. Все четыре случая можно считать убийствами. Не так ли?

Французу оставалось только подтвердить движением головы.

– Факты установлены, теперь нужны доказательства, – сказал он.

– Вы их получите...

– Когда?

– При нашей следующей встрече.

– Доказательства будут серьезные?

– Исчерпывающие... Вам останется ими воспользоваться...

Что и говорить, получить важные сведения очень хорошо. Но чтобы они привели к результату... Месье Жано знал, сколько придется одолеть преград. Но цель, какую он себе поставил, тот шанс, который дала ему судьба, стоил любых усилий и даже жертв. Ради этой цели можно было пойти на что угодно. Чутье говорило, что у него в руках вот-вот окажется сенсация. Которая изменит его жизнь.

- Это будет непросто...

- Я помогу вам.

- Неужели? Приятно слышать. - Месье Жано отпил мерзкий, на его вкус, травяной напиток, который принесли в пузатом чайнике, а в другом - кипяток, чтобы разбавлять заварку. - Господин Лазарев, позвольте откровенный вопрос?

Ему позволили.

- Я знаю, для чего проехал пол-Европы и оказался в Москве. Но для чего это вам? Чего вы добиваетесь?

- Вы как француз во всем ищите выгоду... Обещаю, что отвечу вам, когда мы закончим дело успехом... И не раньше. Это мое условие.

Условие было не слишком обременительным. Месье Жано с легкостью его принял. И предложил отобедать блинами, разу уж без них в Москве нельзя. Он полагал, что деловая часть беседы закончена, можно заняться непринужденной беседой. Лазарев отказался. Он назначил новое место и время встречи и был так предусмотрителен, что условился еще об одном, запасном, спустя три часа. На всякий случай. После чего поклонился и почти сбежал. Не дав руки на прощание. Что было довольно странно.

Оставалось надеяться, что на новую встречу он придет с настоящими доказательствами. Жано невольно подумал, что если месье Лазарев исчезнет, то поставит его в глупейшее положение: ни кто он, ни где его искать - неизвестно. Однако вера в удачу была столь сильна, что Жано счел это глупым страхом. Каким в России заражается каждый иностранец.

Гулять по морозу больше не хотелось. Месье Жано подозвал официанта (так ему было легче называть) и спросил, что тот рекомендует. Половой рекомендовал блины гречневые с «набором» и чайную «пару». Что такое «набор и пара», Жано не знал, но положился на совет. Официант плохого не посоветует: как любой французский гарсон, рассчитывает на чаевые.

Вскоре у стола появился официант с подносом размером с колесо телеги, на котором тесно жались десятки видов рыбы, икры и каких-то загадочных паштетов. Ну и гора самих блинов. Вторым подходом были принесены самовар с чайником заварки. А остывшие убраны со стола. Гостю пожелали «приятного аппетита». Эту русскую фразу месье Жано знал отлично. Только какой нужен аппетит, чтобы все это съесть?

Из другого угла трактира Актаев поглядывал, как француз опасно намазал на блины яичную заправку, как неумело свернул и отрезал маленький кусочек. С таким манерничаньем он застрял надолго. Актаев никуда не торопился и неспешно закусывал блинами. Иногда в филерстве бывают приятные моменты.

• 16 •

Дорогую гостью Кирилл Макарович вышел провожать на мороз, не накинув пальто. Он благодарил за приятное знакомство, за радость, которая ему была подарена, и сокрушался только о том, что еще раньше, во Франции, сестра не познакомила его с очаровательной баронессой, а она не познакомилась с его батюшкой. Это недоразумение Кирилл Макарович обещал исправить, как только отец вернется в Москву.

Слушая комплименты и не пожалев ручку для прощального поцелуя, Агата думала, что управляющий рад сумме первого взноса, которую она оставила по контракту страхования жизни. Сумму столь значительную, что дама сразу стала выгодным риском для страхового общества.

В желании услужить управляющий пошел так далеко, что предложил лично сбегать за извозчиком. Которые стояли на Кудринской площади. Такую жертву баронесса не приняла. На прощание Кирилл Макарович, как любой мужчина, просил о новой встрече, уже безо всякого коммерческого душка, он готов был заехать за баронессой, куда ему прикажут, и вести в лучший московский ресторан, хоть к «Яру», хоть в «Эрмитаж». Дама не раскрыла, где остановилась в

Москве, но обещала подумать о следующей встрече. Во всяком случае, наверняка заглянет на вечер, который Валерия устраивала каждый день Масленицы.

Отделавшись от долгих провожаний, Агата пошла в сторону Поварской улицы. Кирилл Макарович долго высматривал озорное перышко на меховой шапочке, которое развевалось, как знамя победителя. Пока не исчезло за поворотом улицы. Агата знала, что молодой человек смотрит ей вслед. На душе у нее стало немного спокойнее. Нельзя сказать, что она целиком поверила Кириллу Макаровичу, но, если бы Валерия действительно замышляла что-то очень плохое, наверняка обмолвилась бы брату. Пока подписывали бумаги, Агата несколько раз спрашивала и так и эдак о намерениях Валерии, но всякий раз получала ответ, что ничего дурного сестра устроить не может. Оставалось на это надеяться.

Проходя мимо посудной лавки, Агата вспомнила, что теперь интересуется домашним хозяйством и как приличная женщина обязана разглядывать кастрюли и сковородки. Ничего занимательного она в них не находила, посуда вызвала глубочайшую скуку, но что поделать, если такова женская доля. Магазин был не слишком большим, но так плотно забит кухонным товаром, что разобраться в нем не представлялось возможным. Приказчик был занят, обслуживая почтенную мать семейства.

В нараставшей тоске Агата заметила чугунную сковороду, но смогла только чуть приподнять ее обеими руками. Как кухарки управляют с такой тяжестью – загадка. Чтобы не сдаваться глупой железяке, Агата стала испытывать, насколько хватит сил держать сковороду на весу. Она досчитала до трех, когда над ухом кто-то сказал:

– Занялись хозяйством?

В первый миг она решила, что голос прозвучал у нее в голове. Потому что никак, ну никак не мог этот человек оказаться в этом месте и в это время. Но в следующий миг Агата уже знала, что именно в этом месте и в это время за ее спиной находится тот, кого она меньше всего ждала. Нарочито медленно она поставила сковороду на прилавок, не чувствуя рук, и с достоинством повернулась.

– Для блинов выбираете?

Она так долго и так мучительно выдумывала, что будет, когда они снова встретятся. Какой сюрприз ему приготовит. Как это будет славно и неожиданно. Из всего задуманного осталась неожиданность. Остальное вышло хуже некуда. От одного вида маски равнодушия на его лице Агата ощутила подзабытую злость. На этого бесчувственного, холодного и непробиваемого господина.

– Сковороды вы тоже лучше всех выбираете? – с вызовом ответила она. – Наверное, формула сыска помогает.

– Эта для блинов не подходит, – ответил Пушкин.

– Каких блинов?

– Тех, которые вы успешно сожгли с моей тетушкой.

Обиднее всего, что Пушкин уже знал главную тайну. Агата хотела яростно возразить, забыв, что находится в посудной лавке. Вместо атаки вышло нечто жалкое.

– Ничего мы не жгли... И вообще не знаю... С чего вы взяли?

– От вас пахнет гарью, как от тетушки. Запах не выветрился...

Агата не слышала запах. Но иначе Пушкин не смог бы догадаться, что она была у Агаты Кристафоровны. Это означает, что в страховом обществе она благоухала гарью... Какой стыд.

– И что такого? Разве это преступление? – сказала она, заглушая обиду.

– Насколько я помню, вы обещали не возвращаться. Почему изменили своему слову?

Сказано это было настолько мерзким тоном, что Агате захотелось хорошенько заехать по наглому лицу.

– Я ничего не обещала. А вернулась потому, что пора подумать о семье... В мои годы найти партию непросто... Нет достойных кандидатов... Одни жулики и бесчувственные личности... Вот решила пойти на курсы «Искусство кулинарии» при Обществе распространения домашних знаний между женщин...

– Прекрасно, что между женщин распространяют полезные знания, – сказал Пушкин, давая знак приказчику, что его услуги не требуются. – Значит, тетушка дала и стол, и дом. Уже четыре дня, как приехали.

– Оставьте в покое милейшую Агату Кристафоровну... Как вы узнали?

– Был у нее с визитом пять дней назад... Как раз когда тетушка уже готовилась вас встречать. Иначе зачем бы она пригласила меня заглянуть не раньше масленичного четверга?

Агате оставалось только высокомерно улыбнуться: дескать, пустые подозрения. Но сказать-то было нечего.

– Повторяю вопрос: почему вы вернулись?

– Я уже ответила, – с упорством заявила она.

– Это не причина, а отговорка.

– Уверяю вас...

– Не надо уверять. Что вы делали в страховом обществе «Стабильность»?

Сомнений не осталось: за ней следили. От волнения Агата не могла сообразить, как долго за ней наблюдал Пушкин. Что именно ему известно. Надо ли запереться до конца или рассказать...

– Хорошо, я отвечу, если вы так грубо настаиваете, – сказала она, дернув головой, отчего перышко гордо помахало Пушкину. – Я приехала по просьбе моей подруги, Валерии Макаровны Алабьевой, дочери владельца страхового общества...

- Учите барышню обманывать богатых мужчин?

- Ей без надобности, - с вызовом ответила Агата. - Не надо пробиваться в жизни, отец даст все...

- Тогда в чем настоящая причина?

Очень хотелось соврать или что-то выдумать. Но под равнодушным, будто пронизывающим взглядом Агата ничего не могла выдумать. Правдоподобное, чтобы потом еще больше не запутаться.

- Я познакомилась с Валерией прошлым летом в Ницце, когда отдыхала там...

- Могу представить, - сказал Пушкин. - Французская полиция навсегда запомнила ваш отдых?

Агата пропустила колкость мимо ушей.

- Мы стали подругами. У Валерии случилось несчастье: ее маменька утонула на пляже, а отец... Отец уже в Ницце нашел себе новую жену. Мачеха Валерии старше ее на два года.

- Иными словами, на господина Алабьева не охотились.

- Как мерзко, - с сердцем сказала Агата. - Неужели вы во мне видите только плохое?

Пушкин не мог ответить, что он видел в ней. Особенно в портретах, которые всякий раз рассматривал у тетушки. Раз сам нарисовал.

- Чем ваша подруга задумала убить отца?

Прямота, с которой была высказана мысль, не отпуская Агату, сильно помогла. И укрепила.

- Валерия никогда не поднимет руку на отца...

– Но ведь что-то готовится. Иначе для чего вам знакомиться с ее братом, ныне управляющим страховым обществом.

– Вчера я была в доме Алабьева... Валерия устраивает масленичные посиделки с играми... Познакомилась я не только с Кириллом Макаровичем, но со всеми служащими их общества.

– Что же замышляет ваша подруга?

– Я не знаю, – ответила Агата так, что ей нельзя было не поверить. – Даю вам слово, что не допущу никакой глупости... Она во всем со мной советуется...

– Похвально. Прошу вас отказаться от благородного порыва.

Агата хотела возразить, но тут вдруг сообразила, что упустила из виду одну очевидную мысль: откуда Пушкин знает Кирилла Алабьева?

– Вы расследуете какое-то преступление вокруг общества?

– Вас не касается, – строжайше сказал Пушкин. Как только мог строго. – Занимайтесь блинами и не лезьте никого спасать. Если узнаете что-то серьезное, сразу сообщите мне. Примем меры...

С нее было достаточно. Ни одного доброго слова. Одни упреки. И строжайшие указания. Агата решительно спрятала руки в муфту.

– Мой милый Пушкин, – сказала она, повторяя интонацию тетушки, – обойдусь без ваших нравоучений... И знаете что? Я подписала договор страхования... В случае моей смерти один человек получит такую страховку, что будет обеспечен до конца своих дней... Он еще не знает об этом. А вас это совершенно не касается...

Агата прикрикнула на приказчика, чтобы завернул тяжелейшую сковородку, бросила на прилавок две купюры и приказала доставить покупку в Большой Девятинский переулок, где находится Общество, что печется о распространении полезных знаний среди женщин.

Уходя, Агата нарочно задела плечом Пушкина. Хотела как можно больнее задеть. Но, кажется, он ничего не почувствовал. Не мужчина, а какой-то кусок льда... Зря Агата Кристафоровна ее переубеждала. Ничего не получится...

• 17 •

Никак не мог рассчитывать Кирилл Макарович, что любезностью и приглашением чиновник сыска воспользуется так быстро. Его появление управляющий встретил, как подобает настоящему страховщику: с приятным обхождением. Только напитки и закуски предлагать не стал.

– Чем можем помочь, господин Пушкин? – спросил он.

– За прошедшие часы ситуация критически изменилась. К сожалению, я узнал об этом с некоторым запозданием.

Новость, кажется, не встревожила Кирилла Макаровича.

– А что случилось?

– Сегодня утром вдова Ферапонтова была найдена мертвой у своего дома.

– Мертвой? – переспросил управляющий так, будто ожидал, что она окончательно бессмертна. Как полагается ведьме. – Как мертвой?

– Ночью вышла подышать свежим воздухом, поскользнулась и упала с лестницы. Умерла на месте. Несчастный случай.

– Как это прискорбно...

– У приставы 1-го Пресненского участка, к которому относится дом Ферапонтовой, есть основания полагать, что смерть не случайна.

Кирилл Макарович выражал полное и окончательное недоумение.

– А какая же еще?

– Вдову убили. Довольно подло, – ответил Пушкин. – Вопрос не в этом. Формально с ее смертью в право получения страховой премии входит тот, на кого была оформлена ее страховка. Разве не так?

Возможно, впервые в истории страхования перед управляющим встал удивительный вопрос: кому принадлежит страховая премия, если страхователь умер дважды. Вопрос был столь прост и при этом неразрешим, что Кирилл Макарович вскочил с удобного кресла и принялся ходить по кабинету. Он пребывал в таких глубоких и бесполезных размышлениях, что Пушкин не трогал его. Пока не устанет.

Наконец Кирилл Макарович плюхнулся на кожаное сиденье.

– Это категорически... Категорически невозможно... У нас на этот счет нет никаких инструкций... Буквально безвыходное положение...

– Выход из него довольно простой. Если не сказать, элементарный.

Управляющий смотрел на Пушкина с беззастенчивой надеждой.

– Неужели? О, прошу вас, выручите меня... Иначе папенька снимет с меня голову... Так и знал, что в его отсутствие приключится какая-нибудь история... Буду крайне признателен... Что же нам делать?

– Откройте договор Ферапонтовой и посмотрите, кто получает премию...

Ответ был столь ошеломляюще прост, что Кирилл Макарович не сразу его понял.

– А что это даст?

– Снимет логическое противоречие.

– Почему?

– Какая разница, какая Ферапонтова умерла, если деньги получит кто-то один, – сказал Пушкин. – Вам остается узнать, кто именно...

Далее уговаривать не пришлось. Управляющий вызвал колокольчиком дежурного. На зов явился Бастанджогло. Они пошептались между собой – все-таки тайна страхования, – после чего Бастанджогло стремительно выбежал из кабинета. Он вернулся с тонкой папкой, которую старательно прятал от глаз постороннего, показывая только своему начальнику. Судя по тому, как поднялись брови, Кирилл Макарович узнал нечто необычное. Пушкин терпеливо ждал, пока он вдоволь пошепчется со страховым агентом и отпустит его.

– Вы не смотрели договор, когда приходила Ферапонтова. Подписали не глядя.

Кирилл Макарович плохо скрывал чувства.

– Если батюшка узнает, мне несдобровать... Прошу не разглашать этот факт... Доверился нашему служащему, – сказал он, забыв, что у него служат страховые агенты. – Сразу не проверил договор, который заключил Лазарев...

– Господин Лазарев не только заключил договор с несуществующей на тот момент Ферапонтовой, но и назначил себя получателем страховой премии...

Если бы Пушкин выстрелил из табельного револьвера, управляющий не так бы удивился. Кирилл Макарович зажмурился, словно перед ним предстал ужас во всей красе.

– Как вы догадались? – пробормотал он.

– Логически – самый простой ответ. Насколько велика премия?

– Чрезвычайно... Сорок тысяч рублей...

– Когда господин Лазарев получит капитал?

– По правилам – не ранее чем через пять дней после смерти застрахованного.

Что ж, ловкий страховой агент обеспечил себя приличным состоянием.

– У вас приняты такие вольности? – спросил Пушкин.

– За такие вольности выгоняют в шею... Только чтобы не узнали конкуренты... Нам конец... От нас уйдут клиенты... Господин Пушкин, умоляю вас, держите это в тайне... Все что угодно готов предоставить... Только без огласки...

Жаль, что чиновник сыска не умел брать взятки. Иначе немного разбогател бы. Вместо легкого заработка Пушкин попросил назвать адрес проживания господина Лазарева. Раз он сегодня отпросился. А повидать его возникала крайняя необходимость.

Адрес Кирилл Макарович помнил. Ловкий агент жил в доме по Большому Ново-Песковскому переулку. Чтобы окончательно не огорчить молодого и неопытного управляющего, Пушкин не стал сообщать, кто проживал на втором этаже этого дома.

– У вас есть фотография Лазарева? – спросил он.

Немного подумав, Кирилл Макарович отправился к стене и снял большой снимок сотрудников и владельца страхового общества «Стабильность». Мода, которая пришла в Москву из столицы. Пушкин внимательно рассмотрел фотографию. Служащие выстроились в два ряда. В центре снимка, как полагается, находился господин Алабьев. У него на коленях сидел мальчик лет шести-семи. Кирилл Макарович, моложе года на три, оказался во втором ряду, крайний слева.

– Вот он, – указал он на приятного моложавого господина через две головы от хозяина общества. Выглядел Лазарев трудно отличимым от других агентов. Не выделялся ни ростом, ни внешними данными. Срисовывать в блокнот бесполезно. Впрочем, характерную особенность его лица Пушкин заметил.

– Когда сделан снимок?

– Три года назад, на двадцатилетие основания нашего общества... Лазарев ничуть не изменился... Что вы намерены делать, господин Пушкин?

Кирилла Макаровича интересовала не поимка Лазарева, а собственная судьба. Пушкин не мог ничего обещать. Пока не задаст необходимые вопросы страховому агенту.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Газета иностранцев», одна из городских газет Ниццы.

2

«Отель англичан».

3

Оскорбительное прозвище французских полицейских: муха.

4

Английская набережная.

5

Аршин = 0,7111 метра.

6

Сажень = 2,1335 метра.

7

Вскоре был переименован в Александровский, ныне Белорусский.

8

«Взаимная жизнь», крупное французское страховое общество.

9

Вершок = 4, 444 см.

Купить: https://tellnovel.com/chizh_anton/vygodnyy-risk

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)